

Т Ь Е Р Р И
К О Э Н

и в беде мы
полюбим друг друга

Чтобы стать счастливой,
надо осмелиться.

Поединок с судьбой

Тьерри Коэн

И в беде мы полюбим друг друга

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Коэн Т.

И в беде мы любим друг друга / Т. Коэн — «Эксмо»,
2020 — (Поединок с судьбой)

ISBN 978-5-04-157432-1

Алисе тридцать. Она замкнута, не уверена в себе и ужасно одинока. Когда она находит на пороге своей квартиры розу, оставленную тайным поклонником, ее жизнь меняется. Не веря сама себе, Алиса начинает осторожно раскрываться, но ее воздыхатель не спешит встречаться с ней лично. Узнав, кто именно оказывает ей знаки внимания, Алиса не сможет даже представить, как эта неожиданная и удивительная история изменит ее жизнь и ее саму навсегда.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-157432-1

© Коэн Т., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая. История Алисы	7
Алиса	7
Сандрина	23
Алиса	30
Жорж Фантен	36
Алиса	38
Ольга	43
Часть вторая. История Антуана	44
Антуан	44
Леа	46
Антуан	48
Терапевт	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тьерри Коэн

И в беде мы полюбим друг друга

*Ади,
осветившей наш мир улыбкой*

Thierry Cohen

ET PUIS AU PIRE ON S'AIMERA

Copyright © Plon 2020 Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Всем нам хочется прожить свою жизнь как роман, стать одновременно и автором, и главным героем: необыкновенным, неповторимым, достойным всеобщего восхищения.

Однако большинство из нас, возможно, из-за нехватки воображения, а может быть, отсутствия волевого начала, остаются до конца своих дней всего лишь читателями тех строк, что выписывает судьба на предназначенной им странице.

При этом всех нас втайне мучает один и тот же вопрос: когда дело дойдет до самой последней строки, можно сказать, до конечной точки, какой все-таки окажется наша история? Мы будем ею довольны? И что же в итоге мы прожили? Возвышенную историю любви? Или пошлую интрижку? Трагедию? А может, рассказ о пути к успеху? Что же у нас получилось: великое произведение или заурядная банальность?

Это роман о женщине, которая была лишь читательницей своей жизни. Она следила за своей историей, и, когда переворачивала страницы, у нее дрожали руки в предвкушении очередных горьких обид.

А история приняла такой невероятный оборот, что никакой автор и вообразить себе не мог ничего подобного. История потрясала всех, кто становился ее очевидцем.

Я был одним из них, и мне захотелось на основе живых свидетельств записать эту историю.

Я старался верно передать события. Хотел воздать должное Алисе.

Этот роман – ее роман.

Роман о ее необыкновенной любви.

Часть первая. История Алисы

Алиса

Обычное мое утро. С трудом выпутываюсь из темного сумбура снов – мучительно загадочных, непонятных мне картин – отделяюсь от смуты своего подсознания. Ощущение неодолимой усталости. Кажется, каждый мускул налился свинцовой тяжестью и не позволяет мне оторваться от постели.

Вдруг забрезжил вспыхнувший внутри огонек. Я стараюсь его приблизить. А что, если сегодня? Нет. Пустое воображение. Все опять сведется к безнадежной обыденности: день будет точь-в-точь как вчерашний, без всяких обещаний.

«Еще одно утро, никчемное утро...»

В смуту мыслей ворвалась песня Гольдмана¹. Что поделать, я не режиссер собственной жизни, но по крайней мере сама выбираю саундтреки. Каждую минуту, каждый мой день сопровождает мелодия, куплет, микс от диджея, затаившегося в глубине моего мозга. Слова и музыка сливаются с волнами переживаний, придают им смысл, не позволяя уйти неведомо куда или просто остаться незамеченными. Это мой дар? Наваждение? Или следствие социальной ущербности, которая мешает мне находить свои собственные слова для определения происходящего? Неужели у меня одной такая способность? Не могу сказать, не знаю. И не знаю, можно ли у кого-то спросить об этом и не прослыть при этом двинутой. Мне бы не хотелось, чтобы люди, которые и без того считают меня не совсем нормальной, окончательно убедились, что я – того... В общем, снова утро... Никчемное утро.

Лежу, распластавшись как медуза. (Кого мне обманывать? Соблазнительные позы в постели для киноактрис. Ну, может быть, для женщины, у которой недавно появился любовник и она не хочет посвящать его в свои утренние заморочки, а для любой обычной женщины главное утром – это комфорт, ей не до соблазнов.) Я лежу и смотрю в потолок, надеясь, что на белом экране мелькнет обещание, пожелание, а может, воспоминание, которое придаст мне сил, очень нужных для того, чтобы заставить себя выбраться из кровати.

Нет. Моя жизнь и на этот раз кажется мне пустой затеей бездарного режиссера.

Героиня:

Алиса, тридцать три года, одинокая, не красавица, но и не пугало, в общем, самая... обыкновенная... Работа – отстой, спутника жизни нет, надежды на перемены отсутствуют.

Синопсис:

Погода скверная. На работе Алису ждет кипа документов, которые приготовил ей хам-начальник. Алиса, скромная улиточка, которой сидеть бы и сидеть в своей раковине, будет терпеть его хамство, глотая слезы. Пообедает одна у себя на рабочем месте, а вечером, усталая, недовольная, доберется до дома, приготовит себе ужин на скорую руку и будет жевать, тупо уставившись в телевизионную передачу.

В общем, «снова утро без толка и смысла».

Как обычно, мне нужно время, чтобы снова вписаться в окружающую действительность, чтобы заработали автоматические привычки, и я отправилась в душ, оделась, позавтракала и вышла на улицу. Это время я использовала для размышления (а размышление сводилось к

¹ Гольдман, Жан-Жак (р. 1951) – певец, гитарист, один из самых популярных французских авторов-исполнителей.

одним и тем же вопросам без ответов, благодаря которым я снова и снова убеждалась, что мне никуда не деться от тоскливого уныния). Я думала: когда же я проворонила свою жизнь? Или партнеры по игре в покер были с самого начала обманщиками и сразу подсунули мне паршивые карты? А может, шанс у меня все-таки был, но я стала жертвой собственной неспособности войти в игру? Тридцать три года – это конец всем надеждам? Или не всем?

В океане скорби передо мной мерцало одно утешение – мой завтрак. Пухлая булочка, на которую я намажу толстый слой нутеллы: ее воображаемый запах наполнял рот слюной, возбуждал восторг в желудке и приказывал рукам и ногам немедленно вылезти из кровати. Заводская сдоба, паста на пальмовом масле... Нет, мой рацион вовсе не образец здорового питания. Я предоставила борьбу с вредной едой убежденным поборникам ЗОЖа и праздным дамочкам, любительницам словесных баталий. «Пищевой комфорт» – последний утешительный островок, за который я цепляюсь. Ок, признаю свою вину.

Ну вот, мне удалось отодрать себя от кровати, и я отправляюсь в ванную.

В ванной застываю в раздумье над умывальником, не в силах решить: лезть ли мне под душ или просто немного ополоснуться над раковиной? Беда моей жизни состоит еще в том, что самые незначительные вопросы обладают для меня той же степенью важности, что и те, от которых всерьез зависит мое существование (вот она, причина моей социальной косности и еще причина той эмоциональной пустыни, в которой я сохну).

Отражение в зеркале вконец меня доконало. Спрашивается, ну кому захочется проснуться рядом с такой женщиной? Но если ночью спалось так тревожно, как не стать похожей на портрет Пикассо? Думаю, все женщины пугаются, взглянув на себя утром в зеркало. А как иначе? Может быть, не настолько, конечно, но все-таки. И звезды в том числе. В фильмах Линдси Лохан, Моника Белуччи, Софи Марсо и всякие там Скарлетт Йоханссон появляются из-под шелковой простыни свежие и прекрасные, но я-то знаю, что в реальной жизни они испытывают точно такое же разочарование. Знаю, потому что читала статью в интернете о том, как выглядят звезды до вмешательства опытных гримеров, специалистов по свету и гениев фотошопа. И признаюсь без всякого стыда, эти фотографии послужили мне большим утешением. С виноватой улыбкой я смаковала каждый недостаток. Во мне не клокотала мстительная ревность, помогающая в романах и фильмах закомплексованному мужчине развенчать богиню, увидев в ней взбалмошную пустышку (конечно, потому что он никогда не нравился красавице, о которой мечтал). (Мнение глубоко субъективное, потому что сама я никогда ни о ком не мечтала, разве что, когда мне было двенадцать, – о консерже в нашем доме). Нет, я смотрела с пристальным любопытством на фотографии красивых, богатых, уверенных в себе женщин, невест или жен потрясающих актеров, которым все же были знакомы разного рода неприятности. Короче, они такие же, как мы с вами! Синяки под глазами, морщинки, заломы на коже от подушки!

Утешившись своей глубокой мыслью, я вновь занялась все еще нерешенной проблемой: так под душ или ополоснуться? И доверилась течению событий, собравшись сначала выпить чашку чая за любимой телепередачей, а потом уж решить в зависимости от того, сколько останется времени.

Так что я отправилась на кухню.

И там я обнаружила предупреждение, что этот день будет еще хуже, чем предыдущий: у меня закончился чай.

Я с сомнением уставилась на капсульную кофемашину, которой пользовалась до этого только один раз, угощая эспрессо приятельниц, которые мне ее и подарили. Я сказала «приятельниц», а не «подруг», потому что подруги никогда бы не сделали мне такого подарка: я не люблю кофе. И уж тем более не люблю магазинчики-бонбоньерки, где продавщицы раболепствуют перед вами, потому что вы платите за эти капсулы бешеные деньги, в глубине души

понимая, что вас разводят. В общем, эти кофемашины одно из пяти вопиющих свидетельств легкомыслия нашей эпохи. А четыре других? Пожалуйста. Стремление выложить всю свою жизнь в соцсети. Глупые реалити-шоу по телевизору. Макаронс как главный десерт всех времен. Зумба и пилатес как виды спорта, жизненно необходимые всем женщинам.

Относительно дружбы у меня есть своя теория. Подарок на день рождения – настоящая лакмусовая бумажка, которая покажет, кто тебе подруга, а кто приятельница. (А если пришла без подарка, то вообще ни та ни другая.) Подруга голову сломает, лишь бы тебя порадовать, она будет искать то, что тебе понравится. Приятельница подарит в лучшем случае то, что САМА хотела бы получить, а в худшем позовет, например, во Фнак, Галери Лафайет, Сефору, Жифи или Ашан (выбор магазина сообщит вам много интересного о том, что она о вас думает): «не знаю, что тебе выбрать, так что выбери сама», прекрасно понимая при этом, что для того, чтобы найти что-то приличное на предложенную сумму, нужно дожидаться как минимум третьей волны скидок.

Ладно, пропустим, по части дружбы я не большой специалист, у меня слишком мало подруг. Но зато я очень наблюдательная (наблюдательность свойственна застенчивым девушкам, а еще интровертам, а еще одиночкам, а еще закомплексованным и заикам. Все, кроме заикания, имеет ко мне самое непосредственное отношение, но при неблагоприятных обстоятельствах меня может одолеть и оно).

Так вот, эту кофемашину, без которой большая часть человечества, кажется, уже не в состоянии обходиться (во всяком случае, та у которой достаточно средств на ее приобретение), мне подарили коллеги. На мои тридцать лет. Мне пришлось изображать удивление, когда я развернула бумагу. Удалось без труда. На меня и правда напал ступор: голос пропал, глаза распахнулись, а потом я пролепетала «спасибо, спасибо» едва слышным голосом. Я включила машину, чтобы мои гости могли сполна ей насладиться, дать мне ценные советы, как лучше ей пользоваться, поделиться своим бесценным опытом по части капсул. То есть, извините, по части «кофейных коллекций». С тех пор она – королева на моей крошечной кухне: бесполезная, громоздкая, глубоко уязвленная в своем достоинстве. Я никогда не решусь продать ее через интернет из опасения, как бы мои изысканные коллеги по работе ее не опознали. Я прекрасно понимаю, что с таким же успехом Мэтт Деймон в один прекрасный день мог бы попросить меня выйти за него замуж, но все-таки не могу не представлять себе, что такая ситуация может случиться (и что мой любимый актер зовет меня замуж, я тоже себе представляю без труда). (У моих кошмаров и моих грез один и тот же источник – наивность.) Ну а если не заходить так далеко, то что скажут мои коллеги, если вдруг зайдут ко мне поужинать или выпить стаканчик и обнаружат, что их подарок исчез? Их визит – событие столь же маловероятное, как и все предыдущие, потому что были они у меня один-единственный раз и предлогом явился мой день рождения, а реальной причиной – появление в это время у меня в квартире кузена Джерри, серфингиста и фотомодели. Вообще-то он и был вдохновителем и организатором этого праздника. А заодно и главной звездой. Дальний-предальний родственник, который и словом-то со мной никогда не обмолвился, внезапно решил, что «классно» иметь родню с квартиркой в Париже, где «можно позависать два-три дня». Он устроился у меня на кушетке и прожил две недели, наслаждаясь плодами своих побед, пока я трудилась в офисе. Широта натуры сподвигла Джерри на организацию «шикарной вечеринки» в мой день рождения. У меня дома. Я отказалась сразу, но он выдвинул неопровержимый в его глазах аргумент: «Черт побери! Тридцатник! Надо праздновать!» Событие не показалось мне таким уж значительным. Я объяснила, что за цифры не держусь и не знаю никого, кто стал бы праздновать окончание десятилетия или начало нового. Тогда он разослал имейлы, эсэмэски и гордо мне заявил, что придет вот именно что тридцать человек. «Для тебя это будет прекрасный случай обзавестись друзьями», – заявил он мне. Я никогда не умела противостоять чужой решительности. Из-за того, возможно, что самой мне ее недостает, в моих глазах она становится необычной мистиче-

ской силой, которой мне необходимо подчиниться, не задавая вопросов. Так что я одолела все внутренние сомнения, подумав: а почему, собственно, нет? Может, это и в самом деле будет здорово? Может, я и вправду с кем-нибудь познакомлюсь? Может, мне выпадет счастливый билет, и я встречу мужчину своей жизни? (Всегда легче забить голову лживой чушью, чем честно признать, что ты просто позорно струсил.) Накануне вечеринки Джерри ждал меня у выхода из нашей конторы, собираясь зайти со мной за последними покупками, и пригласил заодно кое-кого из моих коллег, исходя из двух своих собственных, но взаимоисключающих критериев: с кем переспать и с кем выпить. Атлету с ангельской мордашкой отказать было невозможно. В общем, в свой день рождения я оказалась в толпе незнакомцев, танцующих у меня в гостиной, пачкающих обивку моего дивана и пребывающих в блаженном неведении относительно присутствия рядом с ними дамы, которая потратила немалую часть своей зарплаты на то, чтобы они беспрепятственно могли накачиваться спиртным и лопать бутерброды, которые вполне можно было заменить любой дрянью, до того быстро они кончились. Что до моих коллег, то они со мной заговаривали только когда хотели уточнить детали биографии моего драгоценного родственника. Он потом переспал с Далией, а возможно, и с Кандис, и, вновь отправившись по дорогам славы и успеха, сразу же позабыл о них. После вечеринки я пробыла у них в подружках недели три или месяц, словом, ровно то время, пока они еще не потеряли надежду снова увидеть кузена Джерри. Вместе с надеждой они потеряли всякий интерес и ко мне, после чего мы опять стали коллегами по работе. Так закончился этот кошмарный эпизод моей жизни, красноречиво, впрочем, свидетельствующий о моей извечной готовности побыть козлом отпущения.

Итак, значит, кофемашина... (Я знаю, я веду беседы сама с собой, такова неизбежная участь одиночек. И пока они ведут свои беседы мысленно, в этом нет ничего страшного. Но если заговорят вслух громким голосом, то рискуют познакомиться с людьми в белых халатах, которые наденут на них длинные рубашки и рукава завяжут за спиной.)

Этим утром она одна (кофемашина. Поясняю для тех, кто запутался в лабиринте моих пространных рассуждений) давала мне возможность выпить чашку чего-то горячего. Я быстренько сварила себе жиденького кофе, положила побольше сахара, намазала погуще нутеллу, чтобы компенсировать эту неприятность, и устроилась перед телевизором.

И сразу невольно скривилась. Во-первых, из-за кофе: он горький. Во-вторых, из-за передачи. На нее пригласили семейные пары и задавали им якобы смешные вопросы, выясняя, насколько они любят друг друга, насколько близки или хотя бы насколько притерлись друг к другу. Казалось бы, не передача, а настоящий клад для отчаявшейся холостячки, не так ли? Я смотрела на пары, которые несли пошлятину о своих чувствах, откровенничали о сексе, безуспешно старались выглядеть симпатичными, сюсюкали, смеялись над своими же шутками, делали чмоки-чмоки и смотрели друг на друга такими глазами, что мое одиночество могло показаться подарком судьбы. Меня на кушетке просто скрючило: и это любовь? Да не может такого быть! Она не может иметь ничего общего с этой пошлятиной, банальностью, приспособленчеством, непроходимой глупостью и набором стереотипов.

Я тут же устыдилась собственной злобности и постаралась смягчить свои слишком резкие суждения, подобрав им оправдания:

Я же этих людей не знаю, мне неизвестны их мотивы, напрасно я их осуждаю. (Я как бы выразила сочувствие, чтобы простить себе свою злость.)

Они так жалко выглядят из-за формата передачи, телевидение воздействует на людей как алкоголь: они глупеют (правдоподобно, но недоказуемо).

Досада сделала тебя желчной, ты видишь все в черном свете (обвинение предъявлено мне, это неправильно).

Судя по последним данным, тебе ничего подобного не грозит, потому что ты никого не интересуешь (реалистично и потому особенно обидно).

Я все никак не могла расстаться с этой последней мыслью, а тем временем ерунда кончилась, и началась моя любимая утренняя передача. Одна из самых моих любимых, и на то есть две причины.

Первая – атмосфера добродушия и веселья, которую создают участники. Мне нравится воображать, что я тоже одна из них. Я знаток своей темы, отлично и убедительно говорю, вижу, как завоевываю симпатии телезрителей меткими замечаниями, блещу чувством юмора, им нравится, какая я умная. И тут же мои умные мозги уничтожают чудную фантазию, подсунив ехидный вопрос: о чем это ты там будешь рассуждать, если ничего-то ты не знаешь, ни в чем не разбираешься? Разве что в одинокой жизни. И что? Этого мало? Я могла бы рассказать о трудностях одиночества, о надежде встретить свою любовь, о печальных опытах, которыми пестрит жизнь тех, кто пытается от него избавиться. Тема, возможно, невеселая, но я подавала бы ее с юмором, с простодушной непосредственностью... Потому что уверена: чувство юмора у меня есть... А вот непосредственности, которая помогла бы другим его заметить, нет.

Вторая причина – обаяние ведущего. Ему лет шестьдесят (а может, семьдесят?). Элегантный, образованный, остроумный, я последнее время только о нем и думаю. Конечно, я знаю, что любому, кто не угнетен чувством эмоционального одиночества, покажется странным мое увлечение человеком, который настолько старше меня. Но для меня разница в возрасте представилась вдруг как раз особым достоинством. Я своей внешностью не привлекаю внимания ровесников (может, виной всему отсутствие стиля, или, может, отсутствие индивидуальности, а может, и того и другого вместе), и поэтому я подумала: а что, если у меня будет больше успеха у человека постарше, не такого притязательного (потому что он уже не пользуется былым успехом), которому придаст цены в собственных глазах присутствие рядом гораздо более молодой женщины? Уверена, что все женщины в моем положении оценили бы эту ситуацию именно так (во всяком случае, те, кто чувствует себя особенно безнадежно).

В общем, приходится иметь в виду следующее: тридцатилетних мужчин привлекают двадцатилетние красотки без морщинок и мыслей о биологических часах. Стало быть, у тех, кто, как я, покинул зеленую лужайку юности и оказался на нейтральной территории по части любовных привязанностей и секса, остается две возможности.

Завышать ценность собственной зрелости среди юнцов, которые ищут приключений, притворяться женщиной-вамп и быть игрушкой в руках мальчишек, не сумев найти полноценного партнера.

Или предоставить свою относительную молодость мужчине в возрасте, ностальгирующему по искусству соблазнять.

Два диаметрально противоположных выхода, с совершенно разными мотивациями, а значит, и с совершенно разными взаимоотношениями.

В первом случае: ни крупинки романтики, безудержный секс и никакого будущего. Во втором: возвышенные отношения, романтизма хоть отбавляй, секс ограниченный и никакого материнства.

Но если говорить честно, я недостаточно раскованна, чтобы стать игрушкой набирающего опыт подмастерья, но и еще недостаточно отчаялась, чтобы мириться с возрастными особенностями пожилого партнера: переменами в настроении в зависимости от приливов и отливов мужественности, запахом туалетной воды прошлого поколения (вроде «Олд Спайс» или «Ветивера»), похоронами друзей, а позже – проблемами с капризной простатой и поиском дома для престарелых с симптомами Альцгеймера.

Любуясь пиджаком из твида на любимом телеведущем, я взглянула на часы внизу экрана и... поняла, что слишком долго блуждала в лабиринте нерешительности. Я уже опаздывала. А значит, первая проблема решена: я успею только быстренько ополоснуться, а затем надену блузку, костюм и побегу бегом вниз по лестнице.

* * *

Только я закрыла за собой входную дверь, как господин Бодрю распахнул свою. Новый знак, что сегодня Вселенная против меня.

– Мадемуазель Алина!

Я не стала напоминать ему, как меня зовут, постаравшись как можно вежливее от него избавиться.

– Извините, пожалуйста, но я...

– А вы знаете, что вчера случилось?

– Нет, но...

– Грабители проникли к одинокой женщине, избили ее и ограбили.

Господин Бодрю превратил свою паранюю в хобби и посвящает ему все свое свободное время (а его у него в достатке, поскольку он пенсионер), ему очень хочется, чтобы соседи считали его знатоком по части всевозможных опасностей и умения их избегать. Целыми днями, а возможно и ночами напролет – я так думаю – он читает про преступления, нападения, ограбления, изучает опасности, прикидывает, может ли стать их жертвой, изыскивает средства защиты. Он составил список людей, которые могут посягнуть на его жизнь и уж точно на его душевный покой. На первом месте среди них «чужаки» (это те, с кем он не знаком), затем «проходимцы» (это молодежь), «обдолбанные» (молодые французы), «дилеры» («понаехавшие»), «коммунисты» (все левые), «сборщики налогов» (они все подкуплены грязными политиками). Он ощущает себя главной добычей приспешников зла и превратил свою квартиру в бастион с бронированной дверью («сувальдный, сейфовый замок и еще один с двойным запором», – объяснил он мне). Но как добросовестный солдат он желает распространить защитную зону на весь наш дом. И наша задача – укреплять свои «линии защиты», «принимая во внимание его советы» и «отдавая должное его опыту». Соседи делают вид, что слушаются его, пропуская мимо ушей его обличительные речи (здравый смысл нам всем подсказывает, что с сумасшедшими лучше дружить, особенно если в руках у них оружие).

– Смотрите, что я на днях приобрел, – объявил он мне, показывая старинный пистолет.

Его «стратегия защиты» включала в себя и вооружение: в основном коллекционные экземпляры. Маленькие голубые глазки Бодрю ласково смотрели на пистолет, и каждая морщинка лучилась счастьем.

– Это модель 1833 года, национальной мануфактуры Шательро. Конечно, не самое эффективное оружие сегодня, но вполне способно опрокинуть негодяя на ковер. Пока, разумеется, не действует, но после починки будет как новенький. Возьмите, подержите в руках, полюбуйте, какая работа.

– Очень красивый, спасибо, но, к сожалению, надо бежать...

– А-а, конечно, конечно, – пробормотал он огорченно. – Я понимаю... вы на работу. Но будьте осторожнее в метро! Становитесь обязательно возле двери. Крепче держите сумку. Я слышал, что у чужаков теперь вошло в моду вырывать у людей из рук сумки!

– Конечно, я буду очень осторожна, не беспокойтесь! Хорошего дня!

Я помчалась вниз по лестнице и столкнулась нос к носу с Сандриной, она как раз проверяла почтовый ящик. Она кивнула мне с улыбкой, ожидая от меня улыбки в ответ.

– Привет! Прости! Опаздываю!

– Понимаю, – отозвалась она все с той же милой улыбкой.

Неужели сразу смирилась и не попытается меня задержать? Зная, какая она настойчивая, позвольте не поверить. И я не ошиблась.

– Что делаешь сегодня вечером? – крикнула она мне вдогонку, когда я уже закрывала дверь.

Сандрина – моя соседка, которая стала подругой. Хотя вообще-то я назвала бы ее скорее «подругой по несчастью». Она тоже одинокая и лет на пятнадцать старше меня. Сандрина часто зовет меня провести вечерок по-дружески или пойти куда-нибудь выпить по рюмочке. Она не раз всерьез меня выручала, когда я просто сходила с ума от одной только мысли, что опять останусь один на один с телевизором. Я благодарна ей за участие, но признаюсь как на духу, что иногда просто видеть ее не могу, потому что стану в точности такой же, если в ближайшие годы в моей жизни ничего не изменится. Сандрина оставила надежду встретить свою любовь и сосредоточилась на мелких радостях, которыми подпитывает себя день за днем: покупает себе пирожные в дорогой кондитерской, ходит на премьеры фильмов в кино, читает романы Марка Леви, как только они выйдут. Поэтому, когда я способна сама справиться с депрессией, я избегаю встреч с Сандриной.

– Еще не знаю! Обсудим позже, я опаздываю.

– Приходи ко мне! У меня на ужин будут вкусняшки, мы чудненько посидим за теликом! «Чудненько посидим за теликом!» У меня чуть слезы не брызнули!

– Посмотрим... Я тебе позвоню.

– Да ты послушай! Я еще не решила, что будем смотреть, но уж точно супер-пупер для двух кисонек, тем более что погода шизанутая.

Сандрина застряла на жаргоне своей молодости, так что мне порой приходится на секунду задуматься, прежде чем до меня дойдет, что она имеет в виду.

Мне бы ей сказать, чтобы не напрягалась, но я смалодушничала.

Сандрина ходит на работу. Работает в архиве какой-то организации и по восемь часов в день раскладывает по полкам документы, которые получает по электронной почте. В качестве единственного коллеги у нее жалкий инвалид Андре, человек очень веселого характера, который достает ее своими шутками. Сандрина женщина солидная (не хочу называть ее толстухой, потому что сама она считает, что своим весом обязана склонности к эпикурейству). Она не красится и одевается кое-как. Посмотришь на ее балахоны – и сразу понимаешь, что в одежде она прежде всего ценит удобство. Вообще-то это тоже у нас общее, мне тоже нет дела до окружающих, что бы они там обо мне ни думали. Хотя, конечно, я не ношу легинсы, как она (хотела бы я, чтобы кто-нибудь мне объяснил, почему толстые женщины считают, что штанишки в обликку выглядят на них эстетично), не ношу расклешенные джинсы и уж, конечно, не ношу футболок с шутливыми надписями (типа «Каждой работе свое пиво», «Сегодня не могу, сегодня плаваю»). Мне повезло, потому что я ношу именно то, что мне положено носить у нас на работе. Так сложилось, что ассистентки секретарши ходят в классических костюмах и скромных блузках, так что мне не страшны никакие модные выверты. Я ношу «смирительные костюмы», как сказала мне как-то Далия, чья поразительная непосредственность может сравниться лишь с ее же простодушием.

В общем, наш дом – своеобразный паноптикум, источник бесценного материала для антропологов, социологов и психоаналитиков, исследующих «поведенческие отклонения городского населения».

* * *

Метро.

Я научилась ценить получасовое погружение в хаос парижской фауны. Поначалу, когда я только приехала в столицу, я сосредотачивалась на толчках, недовольных лицах, проявлениях агрессии, телесных запахах, и каждая поездка была для меня опасной и неприятной. Но привычка взяла свое, и я стала использовать свои полчаса в метро на то, что мне лучше всего удается: на собственные фантазии и наблюдение исподтишка за окружающими, на попытки разгадать, как они живут, представить себе их радости, заботы, их квартиры. Я еду и беру в

долг чужие жизни. Если я вдруг вижу перед собой симпатичного мужчину, то позволяю себе внедриться в его вселенную. Сажусь напротив него в ресторане, в горном шале, в центре райского острова или обхожусь обстановкой попроще, просто прихожу к нему в квартиру, и мы с ним разговариваем или... занимаемся любовью (но это случается редко, моя паранойя быстро наводит меня на мысль, что окружающие догадываются, о чем я думаю). И еще я обычно думаю, что в один прекрасный день кто-нибудь из них меня непременно окликнет (свидетельство натужного оптимизма: до сих пор меня окликали только бомжи и музыканты со шляпой). И еще я сравниваю себя с другими женщинами в вагоне. Неужели я менее привлекательна, чем вот эта сорокалетняя женщина в полном расцвете сил? Не может быть, чтобы фигура у меня была хуже, чем вот у той девушки с лукавыми глазками? А если бы у меня был вот такой рот? А такая грудь?.. А такая манера держаться?..

Сравнения вообще-то редко оказываются в мою пользу.

* * *

На работу успела вовремя. В здании времен Османа² SCAD занимает три верхних этажа, наша работа – съемка телепередач и документальных фильмов. Профанам кажется, что нет работы интереснее: креативность, актеры, пресса, командировки. Может, для кого-то оно и так, но уж точно не для меня. Я работаю помощником финансового и административного директора, человека мрачного, амбициозного и сварливого, которого креативщики без усталости поносят за узкие бюджетные рамки, мешающие их творческому полету. Моему начальнику очень бы хотелось занимать более благополучный пост в главной дирекции холдинга, а не быть самой непопулярной и ненавистой фигурой в нашей компании. И то, что достается ему, он вываливает на меня. Фантену – это его фамилия – я с первого взгляда не понравилась. Меня достали его придирки. Я готова была уволиться, не дождавшись конца испытательного срока, но подчинилась необходимости и осталась. Хотя и пообещала себе уйти при первой же возможности. Очень жаль, что возможности, как и мужчины, не возникают по волшебству. И я так до сих пор и не собралась поискать себе другую работу, все откладываю со дня на день рассылку резюме и прохожу мимо сайтов с вакансиями, требующими моего уровня образования.

После нескольких недель ночных кошмаров и дневных ужасов я стала учиться отстраняться. И приспосабливаться. Я хожу на работу, как спускалась бы в старое время в шахту: из крайней необходимости и чувства профессионального долга. И еще меня поддерживает иллюзия, что мне для чего-то нужен этот травмирующий опыт и я, возможно, стану очень ценным работником в каком-нибудь другом месте (скорее всего, на ринге в боксерском клубе...)

В восемь двадцать я поздоровалась с девушками, которые дежурят у нас на входе, и они, как обычно, буркнули мне что-то нечленораздельное, не потрудившись вежливо ответить. В восемь двадцать пять я подошла к автомату с горячими напитками. В восемь тридцать поставила чашку с кофе на стол Фантена, получив невнятное бормотанье вместо приветствия и благодарности. В восемь тридцать одну он пробурчал, что кофе – просто помой. В восемь тридцать пять я уселась перед экраном своего компьютера, прихлебывая чай. Таков ритуал, с которого начинается каждый рабочий день, предназначенный для того, чтобы испортить мне настроение.

В девять часов начальник отправляется на планерку, готовясь ознакомить всех с новыми сокращениями бюджетных расходов, которые позволят нам выйти на новые рубежи с двузначными показателями роста. А я, пока его нет, смогу позвонить Марианне.

– Как дела, зая? – слышу ее веселый голос.

² Жорж Эжен-Осман – французский государственный деятель и градостроитель XIX века, во многом определивший современный облик Парижа.

– Как обычно.

– Что нового мне расскажешь?

Так себе вопрос. Зачем меня лишний раз тыкать носом в ничтожность и пустоту моей жизни?

– Ничего. А ты мне?

– Энзо опять за свое. Не хочет обедать в столовой, «там невкусно, и взрослые его достают».

Мы с Марианной дружим с первого класса. Она замужем, у нее двое детей: Стелле – восемь, Энзо – шесть. У нее чудесная семья, замечательный муж, интересная работа. До тех пор, пока наши надежды живы, счастливая женщина для нас – как путеводная звезда, горячее для грез и мечтаний. Но если надежды уплыли, их счастье немного выводит из себя, ясно показывая, до чего же ты жалкая неудачница (и ты рыдаешь одна в постели, слушая Уильяма Шеллера³ «Почему счастливые всегда чуть-чуть спесивые?»). (Я прекрасно знаю, что мои музыкальные пристрастия под стать моим костюмам, они отстали от моды.) Мне иногда начинает казаться, что Марианна продолжает со мной дружить из жалости, или – что еще гораздо хуже – потому, что рядом со мной, рохлей, хорошо видно, как она умеет взяться за дело и добиться всего, чего захочет. Да нет, я знаю, у нас с ней дружба настоящая, искренняя, мы делимся секретами и скучаем друг без друга. С тех пор как я перебралась в Париж, а она в Тулузу, где работает ее муж, мы созваниваемся. Я боялась, что время и расстояние украдут у меня подругу, но она, к моему крайнему удивлению, меня не бросила.

Мой переезд в столицу она сочла сказочной удачей! Подумать только, Париж! Праздник, театры, концерты, знаменитости... Неужели она искренне верила, что я буду вращаться в высших кругах? Что после того, как я окунусь в бурлящую культурную жизнь, куколка станет бабочкой?

Но что бы она ни думала о моей бесцветной жизни, она искренне радовалась моим звонкам. Настоящий друг, иначе не скажешь!

– Как провела выходные? – поспешила я спросить, боясь, как бы лучик ее любопытства не потревожил пустую сцену моей жалкой жизни.

– Я бы сказала, с удовольствием. Представляешь, мы обедали в саду на свежем воздухе.

Они живут в чудесном доме с бассейном (зарабатывают семь тысяч евро в месяц на двоих).

– Класс!

– А ты как? – Она вернула мой вопрос, рассчитывая услышать что-то интересненькое.

– Да ничего... Ой нет, ходила на выставку.

– С кем?

– Одна.

– Отлично. (Ее «отлично» означало, что она не удивлена и не хочет проворачивать нож в ране.) Погода была хорошая? (Упоминание о погоде – невольный намек на то, что беседа начинает утомлять.)

– Плохая.

Марианна вздохнула.

– Ты посмотрела, что я тебе прислала? – спросила она.

– Да, конечно, спасибо большое, – соврала я.

Она прислала мне шарф, связанный ее бабушкой – весьма своеобразной и не без странностей старушкой, которая только и делает, что с утра до ночи вяжет, собираясь, как видно, обязать всю свою семью. Я положила сверток в прихожей и, честно говоря, сразу о нем забыла.

³ Шеллер, Уильям (р. 1946 в Париже) – знаменитый французский певец, композитор, пианист. Писал для Далиды и Барбары, прославился серьезными музыкальными сочинениями.

– Бабушка по-прежнему считает тебя маленькой девочкой. И думает, что в Париже шарф тебе очень пригодится. А что у тебя еще? Есть кто-нибудь на примете? (Имеется в виду какой-нибудь молодой человек. Она что, все еще надеется? Сейчас мы быстро покончим со всеми ее надеждами.)

– Никого.

– А красавчик курьер? Он оказывает тебе внимание?

– Он больше к нам не ходит. Фантен пересмотрел контракты с поставщиками, и курьеры теперь у нас не появляются.

Вообще-то историю с курьером я приукрасила. И курьер не был красавчиком, да и внимания особого мне не оказывал. Просто приходил славный веселый паренек и шутил со всеми подряд. Но мне нравилось, когда он приходил, разбавляя однообразие моих рабочих дней. И меня смешили его шутки. Мне надоело, что мне вечно нечего рассказать подруге, и я расцветила рассказ взаимной симпатией.

– А ты собираешься приехать к нам этим летом?

Что-то в ее голосе навело меня на мысль, что она, разговаривая со мной, занята еще чем-то.

– Я еще не выясняла, когда у меня отпуск.

– Так давай, поторапливайся! У меня полно молодых людей, которых мне не терпится тебе представить!

– Там видно будет.

– Ненавижу такие ответы! «Посмотрим! Пока не знаю! Будет видно!» Эй, Алиса, давай шевелись.

– Прошу тебя, не начинай, – взмолилась я.

– А ты меня не зли, у тебя голос несчастной жертвы!

– Извини, я не подумала...

– И перестань извиняться. Я на тебя не сержусь. Ты же не меня обижаешь! Это ты скрипишь у себя в конторе! Ты позволяешь хамить своему начальнику! У тебя, похоже, нет друзей! Ты тоскуешь по выходным и, похоже, пальцем не шевельнешь, чтобы как-то это исправить!

– Картина суровая... Но справедливая.

– Так что тебя держит в Париже, в этой ловушке для дураков?!

– Малодушие.

Мой ответ ее ошеломил, а меня потряс. Я нечаянно нашла ключ ко всем своим неудачам. Слезы брызнули у меня из глаз, а голос стал хриплым.

– Прости меня, зайка... Я наговорила лишнего, – заговорила Марианна, почувствовав в моем голосе что-то вроде отчаяния.

– Да нет, все нормально.

– Я злюсь, потому что ты заслуживаешь лучшего. У тебя такой диплом, а ты пропадаешь в этой дыре! Такая хорошенькая, и не умеешь себя подать. Терпишь все, что на тебя валится, как будто должна расплачиваться за какой-то тяжкий грех. Вот если бы ты взяла и...

Взяла. Волшебное слово. И что я должна взять? Я спросила.

– Надо переменить образ жизни. Выходить! Бывать на людях! Подумаешь, одна! Пойди в кафе, выпей рюмочку! Вот увидишь, появятся знакомые! Если только ты не наденешь свой унылый костюм и тапки, а не туфли на каблуках!

Я оглядела свой костюм и безудержно расхохоталась, между делом разрядив обстановку. (Но мгновенный переход от слез к смеху тоже, между прочим, один из симптомов депрессии.)

– Если бы дело было в костюмах, Марианна! Не нравлюсь я сама. Мужчины на меня не смотрят. Кому нужна жалкая хромуша!

– Алиса! Не играй со мной в несчастную сироту! Ты хорошенькая, но не хочешь собой заняться. А о твоей хромоте нужно знать заранее, чтобы ее заметить. Так что прекрати искать оправдания! Тебе нужно выходить!

– Сегодня я иду к Сандрине в гости! – пробурчала я, сама не зная, что имею в виду: то ли что я все-таки выхожу на люди, то ли жалуясь на ничтожность своего окружения.

– Это к той, что разговаривает на жаргоне наших мамочек? Значит, тебя накормят «обедиком» и узнают твои «новостишки»? Но если ты считаешь, что для тебя это выход, то ты ошибаешься, – с шутливой торжественностью предостерегла меня Марианна.

– Не знаю, что я считаю. Мы с ней сто лет не виделись, – отозвалась я в том же шутливом тоне, стараясь показать, что настроена позитивно. – Может, визит к ней не большой подарок, но я ее люблю. А уж что мы себе «настряпаем» – это тайна, покрытая мраком.

От ее смеха мне стало веселее, хотя я и чувствовала себя виноватой, что привираю своей любимой подружке.

После разговора с подругой мне стало еще грустнее, и я отправилась в общую комнату налить себе вторую чашку чая.

Все девицы были уже там (я имею в виду поклонниц моего кузена и обожательниц капсульных кофемашин). Поцелуи, милые улыбки, пустые фразы. У нас примерно одинаковые должности, но у них начальники повежливее и работа поживее. Они сбились в стайку, каждый день обедают вместе и иногда куда-то вместе выходят. Ольга из них самая видная. Высокая стройная блондинка, и одевается элегантно. Умница, каких мало, и характера не занимать. Мужики сразу облизываются, но попробуй они поухаживать или, не дай бог, нагрубить – получат, мало не покажется. Всем уже известно, чем дело кончится, и все ее побаиваются. К тому же она помощница самого генерального, так что еще боятся, что она повлияет на его решения. Злые языки говорят, что она была его любовницей.

Кандис, очень даже ничего – шатенка среднего роста с высветленными прядями и весьма фигуристая. Она помощница директора по производству. Ольга – ее идеал. Но характер у нее непостоянный, и ее неразборчивость известна всем, так что до Ольги ей ни за что не дотянуться.

И, наконец, Далия, помощница руководительницы отдела творческих программ. Она... я бы сказала, с особенностями. Она такая простая – ей не приходит в голову, что люди иногда могут шутить, и к тому же она понятия не имеет о деликатности, так что легко становится добычей нахрапистых и прямолинейных представителей мужского пола. Она всегда на высоких каблуках, потому что маленького роста, а ее юбочки и кофточки – прямое приглашение мужчине пропустить по стаканчику, это если он обходительный, а если нет, то сразу в постель. И, кажется, она охотно принимает и то и другое.

Одинаковые должности – естественное основание для объединения, создания, так скажем, своеобразного братства, которое позволяет каждому думать, что он под защитой, может получить толковый совет, а при необходимости все сплотятся, обороняя общие профессиональные интересы. На самом деле в подобных компаниях и речи нет ни о каких профессиональных интересах или рабочих стратегиях. Главное – тусовка, и с первой минуты становится ясно, вписываешься ты в нее или нет. В случае со мной сразу стало ясно, что нет. Когда я только пришла, они несколько раз пригласили меня пообедать с ними, но я оказалась скучной компанией, только ела и улыбалась, и меня быстренько вычеркнули. (Интерес снова вспыхнул ненадолго, когда приехал мой кузен.) Я, когда меня вычеркнули, только обрадовалась, среди них я чувствовала скорее неловкость (и зачем, собственно, стараться быть в компании, если тебе в ней не по себе?). Да и обедать каждый день в ресторане мне было не по карману. К концу месяца с деньгами всегда было туговато, и вообще я предпочитаю не тратиться на еду, а сходить лучше в театр или на выставку.

Редкие вспышки их интереса ко мне всегда совпадали с корпоративными землетрясениями, к которым Фантен имел непосредственное отношение. Они надеялись разжиться у меня информацией, аппетитными сплетнями, но оказалось, что доносы и пересуды – не моя стихия, что еще больше увеличило мою непопулярность. Девушки сочли, что я «недостойна» принадлежать к их клану избранных.

Кое-как они терпели меня во время коротких перерывов на кофе, но и тут я им, по всей видимости, мешала. Смех стихал, разговоры смолкали, и они вежливо дожидались, когда я налью себе чай и исчезну, чтобы продолжать болтать и смеяться.

После подобных случаев я воображала, что поднялась на четвертую ступеньку ЛОР (лестницы общительности на работе). С ее помощью я определяю, какой интерес представляю для коллег (можете не гуглить, ЛОР – мое изобретение и пользуюсь им только я). Он состоит из десяти уровней:

первый уровень: с вами здороваются (на нем я нахожусь с дежурными на входе);

второй уровень: с вами здороваются, называя по имени (потому что запомнили ваше имя);

третий уровень: с вами обмениваются положенными банальностями («Как дела? Что новенького? Ну и погода! Где ты купила такое платье?». Последний вопрос мне никогда не задавали. А если бы вдруг спросили, то для того, чтобы обходить этот магазин подальше);

четвертый уровень: вам предлагают выпить вместе чашку кофе из кофемашины;

пятый уровень: всерьез интересуются вашим мнением по поводу серьезных вопросов: политических новостей, экономики, общественных событий (потому что ваше мнение интересно. Если речь о работе, это не считается);

шестой уровень: вам предлагают вместе пообедать;

седьмой уровень: с вами делятся секретами;

восьмой уровень: у вас просят номер телефона, чтобы обмениваться сообщениями;

девятый уровень: вас приглашают на вечеринку с коллегами;

десятый уровень: вам предлагают совместные планы на выходные.

Если вы не устояли перед искушением, встали на эту лестницу и застряли между первой и пятой ступеньками, не паникуйте. Скажите себе, что ваша жизнь не сводится к одной лишь работе (в моем случае аргумент никудышный). А если находитесь между шестой и десятой ступеньками, постарайтесь по-честному определить искренность возникших взаимоотношений. Немного прозорливости – и вы, я уверена, уже не будете в таком восторге (ладно, вполне возможно, я завидую).

В общем, с девочками я, скорее всего, застряла на третьей ступеньке. И сегодняшним утром, дожидаясь, пока моя чашка наполнится, я с рассеянным видом слушала их разговор, чтобы они не почувствовали себя обязанными привлекать к нему и меня.

А они, как обычно, устроили любимый конкурс: «Кто лучше всех провел уик-энд?», стараясь перещеголять одна другую рассказами о фантастически увлекательных выходных.

Интересно, как им удается позволять себе столько развлечений? Даже если зарплата у них гораздо выше моей, как они ухитряются покупать себе такую красивую одежду, так часто ходить к парикмахеру, пользоваться такой косметикой и так часто куда-то выходить?! Ответ

очевиден: за спиной стоит заботливый мужчина (и, возможно, не один), и резвятся они среди богатых.

И вот в это утро Ольга обратилась ко мне.

– А у тебя, Алиса, как прошли выходные? (Вопрос третьей ступеньки.)

Они все обернулись ко мне с заинтересованными улыбками, словно ожидая, что хоть раз в жизни я их удивлю. Я запаниковала, но постаралась сохранить лицо. Чуть было не заговорила про выставку, но вовремя вспомнила, что выставка для них пустая и постыдная потеря времени в городе, где столько возможностей развлечься. Что-нибудь наврать? Нет, врать я не умею.

– Как обычно. Ничего особенного.

– А все-таки, – настаивала Кандис. – Чем ты занималась на выходных?

Постирала белье, начала читать новый роман. Вечер пятницы провела за телевизором, погладила белье, читала роман, сходила и поплавала в городском бассейне, вечером в субботу снова смотрела телевизор. С утра в воскресенье сходила на рынок, дочитала роман, потом опять смотрела телевизор, поплакала в постели перед сном. И что? Перечислить все, что я делала? Очень интересно!

– Читала, занималась спортом.

– Это здорово, – одобрила Кандис, обескураженная пустотой моей жизни. – Нет, я серьезно, спорт – это здорово.

– Да, конечно, спорт – это здоровье, – подхватила я.

И получила бы на международном конкурсе банальностей первую премию.

– А я вот не читаю, – сообщила Далия, словно чтение представляло собой весьма опасное занятие.

– Кто бы сомневался! – фыркнула Кандис.

– Нет, я читаю... всякие рекламные журналы, – вспомнила Далия. – Отдыхаешь и заодно узнаешь много полезного.

– Алиса имеет в виду совсем другое чтение, – заметила Кандис.

– Что ты сейчас читаешь? – поинтересовалась Ольга.

Я побледнела.

– Мисиму. Это японский писатель.

Они уставились на меня так, словно я сообщила им, что у меня рак груди.

– Ты знаешь японский? – удивилась Далия, уже даже с некоторым восхищением.

Ольга и Кандис перевели разочарованные взгляды с меня на свою приятельницу.

– Я что, глупость сказала?

– Очень жаль, но мне пора, – подала я голос, воспользовавшись моментом. – Срочно нужно подготовить кое-какие документы.

И опять я у себя, в рабочей комнате, пью понемножку чай и разглядываю парижские крыши. Я люблю этот город, но знаю, что без взаимности. Парижу до меня никакого дела, я бесполезна для его миссии светоча всей страны, одаряющего ее красотой и культурностью.

Что же со мной не так? Почему у меня не получается жить нормальной жизнью? Почему я не завела себе множество друзей, не хожу на вечеринки, не радуюсь всяким пустякам, громко не болтаю и не хохочу, даже если не очень-то смешно? А между прочим в детстве я была очень милой восторженной девочкой. И в школе меня, несмотря на застенчивость, любили. Я и мальчикам нравилась и дружила с самым красивым в школе. А потом я попала в аварию, и счастливый период в моей жизни закончился. Пробуждение было горьким. Эдуар меня бросил. Он уехал учиться в Америку и больше ни разу не дал о себе знать. Как же мне было плохо! Рана кровоточила, я ненавидела весь мир. Я ушла с головой в учебу и получила степень магистра по управлению бизнесом. Я и не заметила, как погасла, стала – чего уж там скрывать? – отвратительной злобной занудой. Годы шли, ничем не радуя и не удивляя. Эдуар на Фейсбуке писал о

своей новой жизни. Несколько лет спустя я отправила ему сообщение. Примерно в таком духе: «Привет!! Как ты? Что поделываешь?» – в стиле счастливой, довольной девицы, у которой все лучше некуда. Он мне не ответил. На что я надеялась? Что он мне напишет: «Счастлив получить от тебя сообщение! Оно воскресило во мне любовь, которую я испытывал только к тебе! Сажусь в первый же самолет и лечу к тебе, мы продолжим историю нашей любви, которая оборвалась, когда я улетел». Нет, конечно. Но хотя бы слово в ответ, чтобы стало понятно, что я для него что-то значила, что у него тоже осталась ностальгия, что я не выдумала нашу с ним историю. Но если быть честной, моя жизнь рухнула вовсе не в один непрекрасный день из-за какого-то фатального события. Я не могу сказать, что ее загубил тот безответственный лихач, который на меня наехал, или непостоянный забывчивый возлюбленный. Нет, дело было во мне самой, это я постепенно погрязла в рутине, не сумев найти свою собственную дорогу, свое будущее. Но как понять, куда идти, когда не понимаешь, кто ты есть?

* * *

В полдень я быстренько съедаю на рабочем месте салат, купленный в магазине на углу, и отправляюсь прогуляться. Погода, прямо скажем, радует – на улице полно народа, всем хочется порадоваться солнышку, разнежившейся осени. Я усаживаюсь на террасе «Малыша Пьеро», собираюсь выпить чашечку чая, которую принесет мой любимый официант. Но сегодня я его что-то не вижу. Он что, взял выходной? Или заболел? Надеюсь, что не уволился. Уго – важная частичка моего дня, он поддерживает иллюзию, что я все же принадлежу к некой общности, вписана в действительность, и в ней у меня есть свое собственное место, хоть бы и откидное. Разумеется, между нами нет ничего особенного, но мне нравится, как он улыбается при виде меня. А когда я сажусь, он спешит ко мне с жасминовым чаем (я вообще-то люблю пробовать разное, но тут я не решаюсь лишиться его удовольствия помнить мой самый первый заказ, и здесь я всегда пью чай с жасмином). А он всегда говорит мне что-то приятное, делает комплимент, и у меня на сердце сразу теплеет. Например: «Как дела у моей самой красивой посетительницы?» или: «Я вас ждал с нетерпением! Боялся, что сегодня вы не придете!..» При этом – я же не идиотка – я прекрасно знаю, что он так же мил и любезен с другими клиентками и заботится в первую очередь о чаевых. Но его улыбка, его комплименты предназначаются именно мне. Он не вычеркивает меня из общего списка. Отсутствие Уго для меня – новое разочарование. Нет, от этого дня только и жди беды.

* * *

Я возвращаюсь к себе в отдел, и на меня накидывается начальник. Все, что я сделала, никуда не годится: отчет – невразумительная каша, слайды для его доклада – непонятные. Где письма, которые он ждет на подпись? Неужели их еще не подготовили? Я не говорю ни слова и делаю вид, что беру на карандаш его замечания, чтобы все как можно скорее исправить. У меня перехватило дыхание, я поворачиваюсь, чтобы идти к себе, и тут вдруг он меня окликает:

– Алиса!

– Да?

– У вас что-то не ладится? – неожиданно спрашивает он сладким голосом.

И я, как последняя дурочка, решаю, что он нежданно-негаданно проникся ко мне сочувствием. По счастью, я не успеваю ему ничего ответить, а могла бы чуть ли не расплакаться и начать жаловаться на свою несчастную жизнь. А он тут же продолжает:

– У меня единственного из директоров такая нескладная помощница! Я молчу, потому что я воспитанный человек, но поверьте, даже моему терпению есть предел!

Идеальный сценарий: я высоко поднимаю голову и заявляю, что мне не повезло, я попала в самый бестолковый, самый непрофессиональный отдел, из-за чего все его презирают и ненавидят. И не будь моя работа такой безупречной, все бы давно поняли, что имеют дело с жалким подобием Растиньяка, чьи непомерные амбиции могут сравниться только с его такой же непомерной глупостью, из-за которой он никогда не получит того места, на какое метит.

Но я, как обычно, удовольствовалась тем, что удастся мне лучше всего: опустила голову и ушла, не сказав ни слова.

* * *

Этим вечером я ползла на свой четвертый и хотела только одного: погрузиться в ленивую вечернюю бездумность, растворившись в своей усталости. Вот сейчас приму душ, проглочу calorific ужин и уставлюсь в телевизор, а глупейшая передача обезболит мои нейроны, чтобы не мучили меня флэшбэками моих горестей. Однако Сандрина уже поджидала меня на пороге своей квартиры.

– Придешь ко мне ужинать, лапуля?

Я не просто помрачнела, я разозлилась.

– Нет, Сандрина. Очень устала.

– Да? А я-то ведь купила...

– Жаль, мне правда хочется побыть одной, – прервала я ее, уже не скрывая раздражения.

Думаю, всем известен несправедливый закон, по которому гнев против сильных, которых мы боимся, мы вымещаем на слабых. Сандрина пала его жертвой.

– Ладно, ладно, – заторопилась она. – Пожалуйста, не сердись. Но если у тебя проблемы, могли бы обсудить...

– Нет, все в порядке, просто я мертвая от усталости.

И я закрыла за собой дверь квартиры.

Я приняла душ и приготовила себе поднос с ужином. Принялась жевать и заглянула в Фейсбук, что свидетельствовало о тлеющей во мне искорке оптимизма. Если честно, когда я захожу на свою страничку, то всегда надеюсь на неожиданное послание, чудесную просьбу о моей дружбе... Дурацкое ожидание, никогда ничего подобного еще не случалось. И я, пробежав по статусам разных добрых людей, которые так и кричат всему миру о своем счастье, всегда уходила из Сети еще более разочарованная и раздосадованная. Потому что на Фейсбуке все счастливы. По самым разным причинам, иногда даже вполне понятным («Через три дня улетаю в Мексику!», «Мой сын решил жениться!», «Я наконец получил диплом!»). Иногда ребяческим: «Пирог с яблоками получился суперский!», «Вечером иду с подругами в уютный ресторанчик», «А какая у меня новая прическа!..» Сколько тут выплывает нарциссизма и... притворства. Нарциссы стремятся сделать из своей жизни спектакль. А притворщики делают вид, что они его смотрят. Нарциссы рассказывают, чем заняты, постят фотографии и ждут от своей публики восторженных аплодисментов. Что тут скажешь? Я тоже провела немало времени, читая статусы и комментарии. (Когда своей жизни нет, суешь нос в чужую.) На абсолютно дурацкие сообщения откликались: «Гениально!», «Как тебе повезло!», «Шикардос!» Фотографии получали: «Вау!», «Потрясная!», «Обалденная стрижка!», даже если внешность и одного доброго слова не стоила. (У меня злой язык или я проницательна?) (Или у меня злой язык, потому что я проницательна?) Короче, себе в утешение я противопоставляю этому потоку глупостей искренность. И моя искренность искренне мне советует не выкладывать никаких постов. А чем мне, собственно, хвалиться? Со мной ничего замечательного не происходит. Выхожу я куда-то редко, в парикмахерскую хожу, когда волосы больше не слушаются. Проницательная, насмешливая и... если честно, завистливая.

Красный шарик дал мне понять, что пришло сообщение. Я открыла его, и мне стало очень стыдно: Марк Цукерберг сообщил мне, что Сандрина празднует сегодня свой день рождения, ей пятьдесят шесть лет. Вот почему она пригласила меня на ужин. А ничего не сказала, потому что не хотела, чтобы я тратилась на подарок. А я отправила ее куда подальше. И теперь она сидит одна со своим ужином и бутылкой вина или шампанского. Я зашла на страничку Сандрины: поздравил ее с днем рождения один человек, я думаю, племянник, в безличной форме, которую так любят подростки: НВ (что означает Happy Birthday, с днем рождения.) Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание, я вскочила, натянула спортивные брюки, схватила бутылку шампанского и, прежде чем захлопнуть дверь, сообразила, что могу взять подарок, который мне прислала Марианна.

Я почувствовала себя чуть ли не счастливой, оттого что спохватилась вовремя. День прошел отвратительно, но закончится по-хорошему, потому что завтра я бы чувствовала себя просто ужасно, сообразив, что огорчила Сандрину. Я избавила себя от чувства вины. И это здорово.

Сандрина

Не салат, а прелесть с чечевичкой, королевский паштет из гусиной печени, телячьи миньоны с грибами и ризотто с пармезаном. Все от Ленотра⁴, за большие деньги. И не бордо, а божественный нектар – Домен де ла Гардет, 2011 года. А шоколадные конфеты от Бернашона!⁵ Царский ужин. Мой принцип: что плохого в том, чтобы радовать себя хорошим? Одна, но зато в прекрасном настроении!

Конечно, я огорчилась, что Алиса отказалась со мной поужинать, да еще таким сухим тоном. Но я на нее не обижаюсь. Наверняка у девочки проблемы. Или хандра накатила. Обычно она лапочка, такая милая.

Мне сегодня пятьдесят шесть, и настроение я себе портить не стану. Полакомлюсь от души, порадую свое брюшко. А порция моей дорогой соседки вполне продержится до завтра. Или не продержится.

Так что пойду, сяду за стол у себя в столовой, который накрыла два часа тому назад, удивлюсь, до чего же красиво он накрыт, и налью себе бокальчик. Вообще-то я знаю, что после кулинарных угодий меня ждет меланхолия, но надеюсь, что от волшебного напитка я уплыву раньше, и грусть меня не догонит. Раньше времени и думать об этом нечего. Лови момент, Сандрина!

Я включила музыку и приготовилась приступить к банкету. И только я поднесла ко рту первую ложку, как в дверь позвонили.

Кто бы это мог быть? Да еще в такое время? Я бегом к двери, а там Алиса. Стоит с бутылкой шампанского, каким-то свертком и улыбается.

– С днем рождения! – радостно поздравила она меня.

– Так ты... знала?

– Конечно!

– А тогда почему же?...?

– Ты застала меня врасплох, я шла с подарком. Мне хотелось устроить сюрприз, и я испугалась, что ты увидишь и все поймешь. А задержалась я из-за телефонного звонка, не вовремя позвонили.

Алиса протянула мне сверток.

– Ах ты моя милая!

Надо же! Она обо мне подумала. До чего же я растрогалась...

Алиса вошла, увидела мой чудесно накрытый стол и, уж не знаю почему, едва не расплакалась. Ох уж эта Алиса! Такая чувствительная! Подошла ко мне и обняла крепко-крепко! Лапочка моя!

Я налила ей бокал бордо.

– Ну-ка попробуй мое вино! Богатейший напиток!

Она отпила большой глоток, и ни слова. Как будто грошовую кислятину попробовала.

– Ну а я сейчас посмотрю, что ты там мне подарила!

– Да ты не торопись, спешить некуда.

– Ты меня знаешь, я нетерпеливая!

Я развернула сверток под тревожным взглядом Алисы и увидела... вязаный шарф... ну... просто замечательный! Темно-синий, с розовыми сердечками и зелененькими звездочками. Нельзя сказать, чтобы модный (на моду мне вообще наплевать), но на первый взгляд... уди-

⁴ *Ленотр, Гастон* (1920–2009) – знаменитый повар, ресторатор, создатель сети пекарен, автор девяти кулинарных книг.

⁵ Шоколадная фирма семейства Бернашон – последняя из великих «шоколадных» династий Франции.

вительный. И я себе сказала: Алиса же выбрала его не случайно в последнюю минуту, она все взвесила, все обдумала. Наверное, она хотела мне что-то сказать этими сердечками и звездами? Синий – цвет надежды, сердечки – ее любовь ко мне, а звезды? Что же они такое? Небо? Широта? Будущее? Все может быть. Цвета, конечно, так и кричат, но это чтобы меня оживить немного, а то я ношу только черное да коричневое. Спрашивать, что имела в виду, не стоит, а вдруг обидится. Вон ведь смотрит на шарф, будто впервые его видит. Нет, скорее как будто жалеет, что его выбрала.

– Знаешь, в магазине он выглядел совсем по-другому, – пролепетала она.

– Правда? А мне он нравится.

– Нет, я заберу его и подарю тебе другой, – говорит Алиса и протягивает руку к шарфу.

Вид у нее при этом очень решительный. Кто-кто, а я свою Алису знаю, она всегда собой недовольна. Но я держусь стойко.

– Стоп машина, дорогая Лина! Шарф отличный. Очень оригинальный. И потом, это твой подарок, так что он мне дорог вдвойне.

Тут Алиса возьми и разрыдайся. И, если честно, это было лишнее.

– Какая же я...! Я все порчу. Я не стою твоей дружбы!

Я так удивилась, что даже расстроилась и обняла ее крепче.

– Да не огорчайся ты так! Честное слово, он мне нравится. Конечно, очень неожиданный... но симпатичный. Ну-ка говори, из-за чего твое большое горе?

Никогда я не видела Алису такой. Она, конечно, бывала грустной, иногда даже слезки блестели на ее хорошеньких глазках, когда она рассказывала мне о неприятностях на работе, но чтобы так рыдать? Такого не было никогда. Я встревожилась. Конечно, из-за нее, но еще из-за телятины, которая дожидается на кухне и не терпит никаких разогреваний в микроволновке. А если моя Алиса не успокоится? Разогретая телятина – это отстой.

Но Алиса взяла себя в руки.

– Прости, пожалуйста. У тебя день рождения, а я реву. Теперь ты убедилась, что я королева идиотов?

– Выпей-ка лучше глоточек и поешь салатика. А я пока схожу на кухню и посмотрю, как ведет себя там мой теляночек. А то вдруг он уже стал коровкой?

Когда я вернулась, Алиса ковыряла вилкой в салате.

Я уселась напротив нее и спросила:

– А теперь скажи, дорогая, что у тебя не так?

– Да ничего. А вообще... все! Но сегодня твой день рождения, и мы будем веселиться.

– Но сначала ты мне расскажешь, какие у тебя проблемы.

Алиса поежилась.

– Да на работе... Я устала оттого, что меня держат за идиотку.

– Начальник так и достает? Ну я ему покажу! Приду и вырву его дурацкое сердце, которое, видно, у него каменное. Вырву через задницу! – Тут я немного успокоилась и спросила: – Что сегодня было?

– Да все как обычно.

– А почему так расстроилась? Неужели не привыкла?

– А разве привыкают к унижению?

– Ну-у... Ты чего-то недоговариваешь. С чего вдруг ты так расклеилась?

– Понимаешь... Вот-вот, и уже зима... Потом весна придет... Потом лето!..

– И что? Тут ничего не поделаешь, таков порядок. Теперь, правда, с глобальным потеплением только и жди, что каких-нибудь перемен... Но лично я бы никаких не хотела.

Алиса слегка улыбнулась.

– Не притворяйся, я совсем о другом. Я хочу сказать, что время идет... а для меня... для меня все застыло на месте.

Я ее поняла. Но она, боясь, как бы меня не ранить, не решилась сказать прямо, что ей осточертело одиночество и пустая жизнь без любви. Ну и зря не решилась, как раз я, с моим-то опытом одинокой жизни, и могу ее успокоить. Мне прекрасно знакомо это ощущение, что годы бегут все быстрее, а жизнь буксует на месте.

Но я с этим быстро смирилась, потому что если у меня есть достоинства, то главное из них – здравый смысл. Я признала очевидное: что никогда не была хорошенькой, и кокетства во мне ни на грош, и вообще ничего особо интересного, а главное, я совсем не приспособлена к жизни вдвоем. А вот Алиса – другое дело, она хорошенькая, глаз не отвести, умничка и такая нежная. Она одна кукует только из-за своей застенчивости, абсолютно надуманных комплексов и неудачного выбора друзей и работы. Вроде бы причины не слишком серьезные, но в таком городе, как Париж, их достаточно, чтобы оказаться за бортом. Алиса создана для южного города, там солнце возьмет и заглянет в самый потаенный уголок души, а сердечное тепло растопит любую застенчивость. Парижане, они закрытые, от них так и веет холодом, жизнь тут замучает спешкой, а погода – капризами. Париж романтичен для туристов, и то только для тех, кто с деньгами, которые им помогут сделать его красоты декорацией для любви или надежды. Трудно встретить мужчину своей мечты в городе, где на каждом квадратном метре теснятся в основном одинокие женщины. И среди десятка парней на этом квадратном метре (и не воображайте сразу десяток мужиков на квадратный метр... это я так, образно) трое женаты, трое геи, а еще трое считают себя чемпионами мира по потрахушкам. Остается один-единственный, и все девицы за ним охотятся. Так что если вы не первая красавица, не слишком расторопны или в вас нет соревновательного духа, то придется вам смириться или писать письма на телешоу «Любовь в лугах»⁶, пытаясь поймать удачу там.

Я наклонилась к Алисе и взяла ее за руку.

– Послушай меня, Алиса, у тебя есть все, чтобы встретить мужчину, который тебя полюбит.

И сделала паузу.

– Точнее, почти все, – прибавила я.

Она заглотила наживку и подняла на меня свои прекрасные глазки, в которых кроме слез блеснуло еще и любопытство: ей хотелось наконец узнать, в чем причина ее неудач.

– То есть? Что ты имеешь в виду?

– Тебе не хватает главного качества. Этого качества нет и у меня, но я прекрасно обошлась без него, потому что лишена амбиций... И привлекательности тоже.

– Ну-ну, договаривай.

– У тебя нет отваги. Отваги на то, чтобы решиться. Решиться поднять повыше голову, решиться посмотреть мужчине в глаза. Решиться показать себя, показать, что в тебе есть и кто ты такая.

Алиса кивнула. Она расстроилась, что не услышала от меня ничего нового.

– Да, ты права, я трусиха.

– Вау! Ты можешь, конечно, и так себя обозвать, но это обидно. Вообще-то ты не веришь в собственные возможности. И как только на тебя обращают внимание, дрожишь, как заячий хвост.

Алиса поднесла к губам бокал и стала пить драгоценный нектар, который стоит бешеных денег, как жалкую выдохшуюся колу.

– Эй, обрати внимание на то, что пьешь.

– Ладно, не будем обо мне. Лучше скажи мне, как ты.

⁶ Шоу на французском телевидении, в котором деревенские жители из разных регионов Франции ищут себе спутников жизни.

– У меня все хорошо. Мне пятьдесят шесть, со здоровьем полный порядок, у меня есть работа, может, не самая интересная, но зато оставляет мне время на кучу разных вещей... И я праздную день рождения с подружкой. Честное слово, у меня все в лучшем виде.

Я поняла, что она ждала от меня другого ответа. Вообще-то – стала я объяснять – никто не ждет, что одинокая женщина может чувствовать себя счастливой. Ну-у... что значит счастливой? Есть ли кто-нибудь, кто по-настоящему счастлив? Наше общество столько времени продавало счастье в обертке для двоих, что быть одинокой для многих представляется большой неудачей или даже ненормальностью. И появление в ресторанах столиков «на одного» вовсе не свидетельство того, что что-то изменилось и люди стали смотреть на одиночество по-другому. Нет, это проявление еще одной особенности нашего жесткого мира: в нем все используется. Как только число частных случаев достигает значительной величины, они становятся предметом маркетингового исследования, их изучают с точки зрения выгоды. Положение одинокой женщины остается по-прежнему уязвимым. В ней сразу видят или жертву обстоятельств, или причину собственных бед, а в самом худшем случае винят за то, что это она сама стала жертвой. «Какой изъяс обрек вас на одиночество? – задают молчаливый вопрос незнакомцы. – Вы так непривлекательны, что никто не обратил на вас внимания? Так эгоистичны, что не пожелали терпеть кого-то рядом с собой? Слишком цените себя, чтобы кому-то открыться?»

Но я никакая не жертва. Одиночество – мой выбор, и я несу за него ответственность, а не вину.

Мои рассуждения произвели впечатление на Алису, она посидела, задумавшись, а потом задала мне вопрос, которого я ждала.

– Но... как же любовь?

– А что ты, собственно, имеешь в виду? То, чем приправляют романы и фильмы, когда их нам сбывают? Или сказки о мужчине в доме, который будет оставлять кучу волос в душе, писать в раковину, всю неделю вечерами смотреть футбол, изредка ронять ласковое слово и оказывать тебе честь доказательством своей мужественности? Разумеется, это карикатура, но так я себе представляю жизнь вдвоем. На основании собственного опыта.

– Так у тебя был опыт?

– Был, и я рада, что давным-давно.

Алиса посмотрела на меня такими глазами, словно я стала претенденткой на «мисс Францию» в будущем году.

– Ты мне никогда не рассказывала.

– Ты меня никогда не спрашивала.

– А кто это был? Когда? Где? – заволновалась она.

– Бенуа Гибер. Пятнадцать лет назад. Здесь, в Париже.

– И что же?

– Познакомились на работе. Ясное дело, не супермен, но ты, я думаю, в курсе, что я вполне гожусь в манекенщицы для Флери Мишон?⁷ Но парень симпатичный, вежливый, вполне себе воспитанный.

– А дальше?

– Да рассказывать особенно не о чем. Стали вместе куда-то ходить, потом решили, что влюблены друг в друга, потом договорились жить под одной крышей. Прожили полгода и разбежались.

– Погоди, ты слишком торопишься. Расскажи, что было между встречей и прощанием?

– Черт-те что и, само собой разумеется, футбол. Но тебе все нипочем, когда втюрилась по уши. Трудно себе представить, какой становишься идиоткой, если влюбилась. Даже волосы в душе вызывают нежность, если смотришь на них глазами, полными любви.

⁷ Крупная французская агропромышленная компания.

Подружка моя рассмеялась. Ура! Цель достигнута.

– Бедой оказалось то, – продолжала я, – что мы очень скоро утонули в однообразии нашей совместной жизни. Обычно пары расстаются года через три, но мы прошли этот путь гораздо быстрее. Меньше внимания друг к другу, меньше общения, меньше игр «задери ножки». И все мелочи становятся крайне весомыми. Меняется взгляд, ты становишься инквизитором. И я с нашего общего согласия решила, что нам пора разбежаться. Да, с общего, потому как месье, после того как мы съехались, счел, что дело сделано, и отключил голову. Мужчины – они такие, мозги и пестик у них вместе не работают. Как только мужчина завершит процесс покорения, он считает тебя своей собственностью, мозги отпускает погулять, а всю энергию помещает в своего дружочка. Скажу честно, это совсем неплохо. Но время скачек подходит к концу, и он уже следит только за тем, чтобы у него работала рука.

– Рука?

– Ну да, регулярно подносила ко рту кружку с пивом.

Алиса снова рассмеялась, и мне тоже стало весело.

– И ты его выставила?

– Сразу же.

– И больше никогда не видела?

– Почему? Мы иногда видимся. Сходим в ресторан, подрыгаем ножками и все – мерси, Бернар!⁸ То есть Бенуа в моем случае.

Алиса смотрела на меня во все глаза. Конечно, она увидела меня совсем в другом свете. Я знаю, обо мне такого не подумаешь.

– И он по-прежнему холостяк?

– Нет, он с тех пор женился.

– Но...

– А что, собственно? Его законная отмывает ванную, чистит туалет, заказывает пиццу, подносит пиво, а мне оставляет миленькие вечера. Кстати, мы завтра с ним увидимся.

Моя милая соседка захлопала в ладоши, как девчонка, и я была счастлива, что к ней вернулось хорошее настроение, хотя и не без помощи пары бокалов вина. Она такая хорошенькая, когда позволяет себе расслабиться. И что за охота постоянно изображать из себя Калимеро!⁹

– Так. А еще у тебя были мужчины?

– Хм! Посмотри на меня внимательно и скажи, много у меня возможностей приманить других любителей нарушать супружеский долг? Флиртвала иногда, даже по-серьезному, но все приключения можно по пальцам перечесть. На лапе Микки-Мауса.

Алиса поднесла вилку ко рту и проглотила кусочек телятины с таким видом, словно ела лапшу с маслом. При одном только взгляде на нее главный повар Ленотр усомнился бы в целесообразности своей профессии.

– А... а ты никогда не хотела иметь детей?

– Хотела, по молодости. Но желание быстро пропало. Из меня бы не вышло хорошей матери.

Взгляд Алисы наполнился нежностью.

– Надо же! Я тебя узнаю понемногу, – сказала она.

Я взяла ее руку и крепко сжала в своих очень даже пухлых ладонях.

– Послушай меня, моя цыпочка, меня не стоит жалеть, и завидовать мне тоже не стоит. Прежде чем я устроилась в жизни с комфортом, мне пришлось хорошенько познакомиться с самой собой и понять, чего мне на самом деле хочется, а какие пожелания мне навязывает

⁸ *Merci Bernard* – французский ситком 1980-х годов.

⁹ Незадачливый цыпленок с черным пухом, герой итальянско-японских сериалов, попадающий в неприятные или забавные истории.

общество и жизнь вокруг. Теперь я знаю себя, знаю, чего хочу, о чем мечтаю и на что готова, чтобы добиться своего. И двигаюсь вперед потихоньку. Вот и тебе пора задать себе те же вопросы, а когда ты на них ответишь, то наберись отваги и двигайся вперед.

Алиса задумалась, поглаживая мою руку.

– А о чем ты мечтаешь?

– Я не мечтаю, я хочу. Мечты, они порхают в голове, а желания доходят до сердца, до живота и могут тебя заставить потрудиться, чтобы получить то, чего захотелось.

– Согласна. Так чего же ты хочешь?

– Назову тебе три своих желания. Первое ты знаешь: продолжать достаточно зарабатывать, чтобы баловать себя вкусной едой. Знаю, звучит тривиально, но я всегда любила вкусно покушать, у меня с едой давний роман. Потом хочу купить маленькую квартирку на юге Франции и уехать туда, когда уйду на пенсию. Видишь, все банально, заурядно, но я знаю, что у меня получится. Буду набивать себе живот под завязку и греться на солнышке.

– А какое третье?

– Можешь считать меня полной идиоткой. Я хотела бы встретиться со своим любимым писателем, поговорить с ним, задать ему все вопросы, которые у меня накопились, пока я читала его романы. Или просто на него посмотреть.

– И кто же твой любимый писатель?

– Марк Леви.

Алиса улыбнулась. В глазах такой интеллектуалки, как она, наверняка обожающей книги только покойников или тех, кто чуть было не самоубились, мое желание – чистый пустяк. Я знаю, что не такая умная, как она. Писатели с депрессией не по мне. Я люблю книги, которые переносят меня в иной мир, чтобы герои были хорошими и становились, пока я читаю, моими друзьями, и мы вместе переживали необыкновенные истории. Я понимаю, что непоследовательна: с одной стороны, вроде бы недовольна обществом потребления, критикую производителей иллюзий, которые пудрят беднякам мозги, начиная их несбыточными мечтами, а с другой – как наивная простушка, обожаю романы, в которых все только и делают, что живут этими самыми иллюзиями. Но, во-первых, я считаю писателей самой лучшей компанией для одиноких женщин. Они нас из стен тусклой квартирki отправляют в путешествие, и цена его гораздо дешевле билета на самолет. К тому же мы не рискуем погибнуть в аварии или подхватить экзотическую лихорадку. Ведь мы не из глупышек, которые путают воображаемый мир с настоящим! Во-вторых, благодаря своей гуманности и доброму отношению к людям они и меня примиряют с ними. В-третьих, я по своей натуре не революционерка, и хотя кое-какие стороны нашей жизни меня пугают, в целом я наслаждаюсь возможностями современного общества.

Я или трезвый Лукулл¹⁰, или разгулявшийся аскет. Выбери, что больше нравится.

– Я уверена, все у тебя получится, – пообещала мне Алиса.

– Относительно переезда – не сомневаюсь. Я откладываю денежки, и, когда придет время продать мою парижскую однушку, уверена, что смогу купить двушку на солнышке. А вот что касается Марка Леви... то это более проблематично.

– Но это же твой день рождения! Ты имеешь право загадать желание! – сказала Алиса, подняла бокал и выпила его залпом.

– Я дам тебе два совета, дорогая, которые могут спасти тебе жизнь, – пообещала я.

– Ну и...

– Не держись слепо за свои представления, они могут тебе врать. Будь любопытной и предприимчивой. Другой возможности узнать правду нет. Вот, например, сегодня вечером ты меня разговорилa и открыла меня такую, о какой и не подозревала. Это первый.

¹⁰ *Луций Лициний Лукулл* – римский военачальник и политик, известный своей любовью к роскошным и изысканным трапезам.

– Согласна. А второй жизнеспасительный совет?

– Не хлещи залпом великолепное бордо, как какое-то жалкое пойло, если не хочешь, чтобы я тебя задушила!

Мы обе расхохотались.

– Извини, пожалуйста! Извини за все! Давай откроем шампанское и выпьем за исполнение желаний!

– Вперед, Алонсо!¹¹

Я пошла за бутылкой и бокалами, а когда вернулась, то поняла, что Алиса серьезно прорабатывала все, что от меня услышала, собираясь извлечь из моих откровений истины, которые смогут ей помочь. Когда надо, я умею быть убедительной. Но, конечно, не без помощи лучшего на свете бордо.

Откуда мне было знать, что она воспримет мои советы буквально и в самом скором времени наделает самых немислимых чудес?

¹¹ Культовая фраза из фильма Годара «Безумный Пьеро», которую произносит герой Бельмондо.

Алиса

Какая же я сволочь. Как я могла забыть о дне рождения Сандрины? Зачем жаловалась, а потом расплакалась как маленькая? И еще наврала! Это же жуть какая-то, а не шарф! Скажу ей, чтобы она его не носила!

Только я увидела, как она красиво накрыла стол, сразу поняла, что она заботливая, а я эгоистка. Я не заслужила ее дружбы. А Сандрина мне настоящий друг. Кто еще может отнестись к тебе так трогательно, не обидеться, что ты портишь праздник, не обращаешь внимания на замечательное угощение, и при этом стараться всячески тебя утешить?

И еще я поняла, что самой Сандриной я никогда не интересовалась. Держалась от нее на расстоянии вытянутой руки и наблюдала, каких последствий мне ждать от одинокой жизни. Аспект ограниченный, в чистом виде проекция моих проблем. Этот вечер открыл мне замечательную женщину – уверенную в себе, жизнерадостную, отстаивающую свои мнения, защищающую свою отдельную личную жизнь. Она права: я живу в плену своих страхов, закопавшись в заумные рассуждения (я люблю заумные рассуждения, мне кажется, я постигаю суть своих проблем.) (И я чувствую себя умнее.)

На следующее утро, собираясь на работу, я обо всем об этом думала. А когда открыла дверь и увидела розу, деликатно положенную на коврике, сразу догадалась, от кого подарок: от моей добрейшей соседки. Она решила ненавязчиво мне напомнить, что можно смотреть на все по-другому, что день может показаться очень хорошим. Сладкий розовый запах заполнил мои легкие. Неужели я способна измениться? Неужели я решусь когда-нибудь и отважусь? Только не надо саму себя обманывать: мне надо не думать о каких-то там изменениях, мне нужно действовать. И у меня в голове зазвучала песня, саундтрек к сегодняшнему дню:

Снова пришло время, время новостей,
Время начинаний, новых скоростей,
Снова пришло время, время новостей,
Прыгай и плыви, ни о чем не жалея¹².

Я прочитала в одной книге, что каждое изменение требует обдуманых конкретных шагов, которые поведут тебя от успеха к успеху. Так каким же должен быть мой первый шаг? Какой толчок сообщит мне ускорение?

Жан-Луи Обер потихоньку давал мне советы, и они меня будоражили. Да, пришло время нового витка в моей жизни. И вдруг я поняла, что должна сделать немедленно. Я должна поднять голову, идти и смотреть вокруг. Большинство людей так и делает, им это раз плюнуть, а для меня, можно сказать, вызов, потому что я хожу по улице и смотрю только себе под ноги. Теперь на улице я буду бороться со своей робостью и даже не буду отводить глаза, если на меня посмотрит мужчина. И вот первый положительный результат – я другими глазами посмотрела на свой путь на работу. (Можно сказать, до этого я ничего, кроме тротуара, не видела.) (Еще я знала все места, где поднимают лапы собачки.) Совершенно неожиданно для себя я увидела самых разных людей с разными характерами, разными заботами. Детишки мне улыбались. Мне понравились витрины магазинов. Первая победа!

В метро я отправила эсэмэску Сандрине, извинилась за вчерашнее, поблагодарила за чудесный вечер и розу у моей двери.

¹² Песня Жана-Луи Обера (р. 1955), французского певца, гитариста, композитора и продюсера.

* * *

Вошла в наше здание и решила не обращать внимания на дежурных девиц, взглянула мельком и направилась прямо к лифтам. Результат моей независимости был совершенно неожиданным.

– Привет, Алиса! – поздоровалась одна из них.

Я с удивлением обернулась. Лицо ее светилось доброжелательностью, какую обычно приберегают для начальства, клиентов и подружек.

– Красивая роза, – заметила та, что меня окликнула. – От поклонника?

Интересно, они заметили розу или мою поднятую голову? И что скрывается за их неожиданной вежливостью? Любопытство кумушек, главная пружина их всевластия? Допросить, докопаться, разведать и потом всем рассказать. Я чуть было не сказала им правды, но вовремя замолчала, ограничившись загадочной улыбкой (я на такие улыбки не мастер, так что, скорее всего, она была глупой.) (Но ведь и глупость может быть загадочной, разве нет?)

Я пришла к себе в отдел, приготовила тирану кофе и поставила розу в маленькую вазочку.

– Ой! В воздухе витает романтика!

Кандис остановилась перед моим столом и уставилась на цветок. Да зачем мне ей врать, что за мной кто-то ухаживает? Нет, нет, никакого вранья.

– Да вообще-то...

Мне помешал звук уведомления. Я взглянула на экран мобильного. Сандрина ответила на мою эсэмэску:

«Какая роза? Ты о чем?»

За вечер спасибо тебе. Было классно (хоть и поначалу немного напряженно (смайлик))

Хорошего дня, цыпочка».

У меня перехватило дыхание. Так, значит, роза не от Сандрины? Тогда от кого?

– Так ты говоришь... – начала Кандис.

– Вообще-то... Вообще-то я нашла розу сегодня утром перед дверью. Понятия не имею, кто ее положил. Не сомневаюсь, что по ошибке.

Я постаралась четко сформулировать, что произошло, и тут же об этом пожалела. Кандис в предыдущей жизни была, скорее всего, консьержкой, журналисткой в желтой газете или громкоговорителем: я сообразила, что к обеду все будут в курсе моего приключения (разумеется, с некоторыми поправками – роза превратится в букет, незнакомец станет нашим клиентом, то есть какой-нибудь знаменитостью, а злопыхатели будут настаивать, что я сама подложила эту розу, чтобы привлечь к себе внимание.) (Трудно сказать, какой из вариантов пугал меня больше...)

– Гениально! – обрадовалась Кандис. – Так еще романтичнее!

Гениально? Правда? Мне трудно судить. Со мной такого еще не случалось. Для меня вся романтика объяснялась жестом доброй соседки по площадке или обыкновенным недоразумением. Вполне возможно, роза предназначалась Сандрине. Она от ее любовника. Конечно, так и есть. На день позже? Но если он может ошибиться этажом, то почему не может напутать с датой?

Приближался обед, и я поняла, что мои опасения по части Кандис были вполне оправданными. Ольга пришла к нам в отдел и позвала меня обедать.

– Спасибо, рада бы, но мне надо кое-что купить, – ответила я не без удивления.

– Пошли! Купишь в другой раз!

Ольге от природы досталось умение повелевать, она скажет с такой интонацией и согреет таким теплым взглядом, что вы никак не сможете ей отказать, о чем бы она ни попросила. (Я

говорю «вы», чтобы дать понять, что речь идет об общем правиле, снимая с себя подозрение в излишней податливости, хотя, конечно, если она вдруг обратится ко мне, окажется, что я охотнее всех поддамся ее обаянию.) (И вот она ко мне обратилась.)

Снова пришло время, время новостей...

Шаг номер два: постараться прижиться в коллективе, завести себе на работе подруг, заставить себя приспособиться к общей жизни. Разве мне не предлагают перейти сразу с третьей ступеньки ЛОР на шестую? Я согласна.

В обеденный перерыв я пошла с ними в «Ресто-бистро»¹³ (в один прекрасный день какой-нибудь исследователь непременно займется вывесками и разберется в истинных мотивах владельцев, выбирающих то или иное название. Они что, правда хотят нас посмешить и поэтому так оригинальничают? Эти находки их радуют? Или своим детсадовским творчеством они с большим опозданием прорабатывают школьные и домашние обиды?).

Едва мы уселись за стол, как девочки сразу же, не теряясь, принялись за интересовавшую их тему, ради чего меня и пригласили. Первый вопрос ко мне был:

– Так твоя роза? Ты знаешь, откуда она взялась?

– Я думаю... кто-то ошибся.

Ответ их разочаровал.

– Тебя можно понять, – тут же признала Ольга. – Ты пессимистка. Но попробуй на секунду представить другой вариант: если роза предназначена именно тебе, тогда кто из твоих знакомых мог бы тебе ее подарить?

– Никто.

– Как это никто? – удивилась Кандис. – Есть же сосед, приятель, знакомый, коллега, кто может в один прекрасный день проявить к тебе интерес.

Перед мои мысленным взором возник месье Бодрю, но я его прогнала.

– Ну так кто?

Судя по всему, они в самом деле не подозревали, насколько пуста и безнадежна моя жизнь в смысле каких-то симпатий.

– Честное слово, никого не могу себе представить.

– Ладно. Попробуем зайти с другой стороны. Какое мужское лицо первым возникает перед тобой? И ты говоришь себе: «А-а, так вот кто это мог быть!» Давай, говори откровенно, только не вот это «Я первым вижу Брэда Питта» или «Жана Дюжардена»!

Будь у меня чувство юмора, я бы нашла что ответить, но оно у меня отсутствует начисто. (В компании, я имею в виду, потому что мысленно я частенько улыбаюсь своим шуткам.)

– Нет, правда... Никого не вижу.

Ответы были унылые, и они сами стали придумывать романтические сценарии, а потом делиться воспоминаниями о красивых ухаживаниях. Я их слушала и поняла, что в жизни женщин, которые живут полной жизнью, возникает множество сюрпризов. И моя показалась мне совсем уж жалкой и ничтожной.

Они, конечно, это заметили, и разговор сам собой иссяк, и все они сказали, что красивые истории так ничем и не кончились. Спасибо, утешили.

Ольга рассказала, что однажды получила билет на самолет от одного знакомого, с которым общалась в дружеской компании. В записке он написал: «Откроем скобки и впустим магию в нашу жизнь». Она оценила оригинальность предложения, но от поездки отказалась.

– Чтобы впустить магию, нужно магическое путешествие и магическая цель. А парень приглашал меня в поездку на деловой семинар в Сен-Этьен.

– А я однажды получила ссылку на видео на Ютубе, – поделилась Кандис. – И увидела клип со своими фотками, конечно сворованными из Фейсбука, под You're beautiful Джеймса

¹³ Сеть ресторанов быстрого питания.

Бланта. Это сделал один технарь, мы с ним познакомились во время съемок. Я растаяла. Мы провели вместе несколько дней. А потом, когда я покопалась в его компьютере, то обнаружила штук двадцать таких клипов, засранец таким образом просто цеплял девушек.

– А вот у меня никогда не было разочарований, – сообщила Далия.

– Не сомневаюсь, – иронически усмехнулась Кандис. – Разочарование же от чувств.

– И что ты хочешь этим сказать? – поинтересовалась Далия, накручивая на палец прядку волос.

– Да ничего. Слушай, расскажи Алисе историю про подарок от незнакомца, – попросила коварная подружка.

Далия оживилась и встрепенулась:

– Вот именно! В общем, однажды я встретила в кафе одного парня. Мы с ним посмотрели друг на друга... И с первого взгляда любовь! Он мне кивнул, поманил за собой, а я сама не знаю почему – вообще-то я никогда так не делаю, и он был совсем не в моем вкусе – взяла и пошла за ним. Он ждал меня в машине и спросил, куда поедет, ко мне или к нему. Прямо безумие какое-то! Говорит прямо в лоб. Я предложила свою квартиру. Он как пришел, сразу набросился на меня со своей любовью, как зверь. Ушел рано утром. Я сначала огорчилась, а потом увидела записку «Спасибо». И рядом подарок. У него не было времени купить мне что-нибудь, так он оставил мне сто евро. Очень мило, правда? И таинственно.

– Даже чересчур! – воскликнули Ольга и Кандис и взглянули на меня понимающими взглядами.

Пока они соревновались между собой, рассказывая истории, я раздумывала о своей. А что, если роза и в самом деле для меня? Может ли какой-нибудь романтик вспылать ко мне нежным чувством? И все-таки я отсекала такую возможность. Если бы я и пробудила в ком-то интерес, то непременно бы заметила.

Да? Правда? А кто до сегодняшнего дня ходил и смотрел себе под ноги?

* * *

Мы вернулись на работу – девушки очень возбужденные, я задумчивая, хотя тоже немного взволнованная оттого, что привлекла их внимание, пусть несколько окольным путем.

Едва я успела войти, как Фантен вызвал меня к себе.

Он недовольно смотрел на меня, пока я усаживалась напротив него с блокнотом и ручкой в руках.

– Вы меня огорчаете, Алиса, – заявил он, начиная разговор.

Я не удивилась его атаке, ничего, кроме замечаний и упреков, я от него не слышала. Оставалось только узнать, чем я его так огорчила на этот раз.

Я смотрела в блокнот, дожидаясь, когда он насладится моим огорчением, которое я так и не научилась скрывать. Обидно снова и снова чувствовать себя маленькой девочкой, которая ждет очередного нагоняя. Тут я вспомнила о своем решении и выпрямила спину. Но посмотреть начальнику в глаза я все же не решилась и остановила взгляд на его блестящей лысине. Что уже было само по себе победой.

– Отчет, который вы подготовили для меня к собранию, никуда не годится. В нем мало информации, и изложена она непоследовательно.

Я могла бы ему возразить, что ничего лучшего с тем минимумом фактов, которые он мне дал, сделать было невозможно, но, как обычно, удержалась. Смысла возражать никакого. Все равно буду права.

Начальник встал и принялся мерить шагами кабинет. У него какая-то странная деревянная походка, он как будто долго скакал на лошади и теперь никак не может выпрямить коленки.

– Вы как заноза, Алиса! (Ах вот почему он так странно ходит! А я-то думала!) Ваша хроническая некомпетентность не дает никому возможности оценить мои заслуги.

Оказывается, я главная причина его карьерного застоя. И вот какую он подвел под это базу.

– Вы неспособны понять мои намерения. Вникнуть в них, выразить их ясно и отчетливо. А между прочим, в этом состоит главная задача добросовестной помощницы.

В таком случае мне надо было бы обладать сверхвозможностями и вдобавок еще сочувствовать мании величия этого сморчка. И хоть немного его уважать.

– Хочу вам сообщить, что я попросил себе в отделе кадров новую помощницу, – объявил он, покачиваясь на длинных тощих ногах, которые явно не обеспечивали ему той уверенности, какую он постоянно желал излучать.

Новость обожгла меня как пощечина. Меня могут уволить! В мозгу мгновенно вспыхнули ужасные картинки, замигали вопросы, воющая сирена моего страха разбудила их беспорядочную суету, разом лишив меня способности рассуждать. Что я буду делать без работы, сейчас, в кризис, когда так мало рабочих мест?! Как я буду платить за квартиру? Сколько времени продержусь со своими тощими сбережениями? Но более всего меня жег другой вопрос: почему жизнь ко мне так жестока? Откуда в ней столько коварства? За что она топит меня, едва мне показалось, что я могу выплыть? Я этого не заслужила! Я хорошо подготовлена, я работающая и... я послушная! Я терпела все превышения власти этого грубияна, сглаживала последствия его промахов, когда он ошибался в оценках, делала работу, которая была гораздо ниже моих способностей. Помощница – это эвфемизм для секретарши, учитывая мою зарплату и обязанности.

– Вы... меня... увольняете?

У меня перехватило горло, и глаза наполнились слезами. Я очень на себя рассердилась за свою жалкость, я сама преподносила ему подтверждение его правоты, помогала поверить в его всемогущество.

– Этим займется отдел кадров. Если они смогут найти вам новое место, они это сделают. Но у нас редко открываются вакансии, так что не стану внушать вам ложных надежд.

Он подошел поближе, сел на край стола и забарабанил пальцами по коленке.

– Поверьте, я очень огорчен, Алиса. Я вовсе не злое чудовище. Я часто вас поддерживал и никому не жаловался. Справлялся, не требуя от вас помощи. Я всегда был внимательным и чутким, но я не могу проявить слабость в момент, когда работа требует от нас повышенных усилий.

Он правда верил в чушь, которую нес? Или готовил официальную версию, чтобы обелить себя?

– Ну, к чему этот несчастный вид? – спросил он недовольно. – Научитесь смотреть в лицо своим ошибкам. Вы видите, у нас проблема... Это ваша проблема, это вы не умеете справляться с реальностью. Вы витаете в облаках, вы интроверт, вы не способны увидеть цели, к которым мы стремимся. Вы мгновенно сдаетесь и прячетесь, как только ситуация становится сложной. А она часто становится сложной. Мне нужен рядом боевой товарищ. Сильный, уверенный, знающий, волевой. Мне не нужна плакса.

Я чувствовала себя совсем раздавленной. Все, что он сказал, было правдой. Хотя, может быть, не целиком. Да, я была размазней, которую он с таким удовольствием расписывал. Но я честно выполняла свою работу, я делала все, что он требовал, хотя так и не сумела заставить его себя ценить и не научилась задирать нос.

Во мне проснулась гордость, я встала. Я собиралась сказать ему все, что думаю, доказать, защитить себя, показать, кто я на самом деле, но слова разбегались, я не сумела составить фразу, которая стала бы разящей стрелой. У меня снова резко скрутило живот. Слезы так и хлынули из глаз.

– Ладно. Мне пора за работу. А вы вытрите нос и промокните глаза, – распорядился он. Я так и сделала. Новое дуновение, на которое я понадеялась, обернулось разрушительным торнадо, и часть моей жизни пошла ко дну.

Переменчивый Жан-Луи Обер предложил мне другую песенку:

«Вот и пришел конец...»

Жорж Фантен

Видите ли, я человек доброжелательный, понимающий, чуткий, но в своей личной жизни. На работе профессиональный менеджер не может позволить чувствам взять верх над разумом. Работать в рекламе – значит быть хозяином в каждой ситуации: сбор информации – анализ – вывод – решение. *No faiblesse in the business!*¹⁴ Вот девиз вашего покорного слуги.

Теперь пошла мода заворачивать подлинную цель делового предприятия в блестящий фантик, и вот мы вешаем лапшу на уши, рассуждая о ценностях, гуманности, задачах культуры, социальной ответственности... Кое-кто приплетает в том числе и этику. Но признаем честно, в сфере массовой информации лапша – это прикорм для пользователей-идеалистов. А мы сами не должны забывать о главных своих задачах: давить конкурентов, наращивать потенциал, увеличивать дивиденды.

Думаете, я человек двойных стандартов? Нет, я не из тех, кто загорается куцыми лозунгами.

Важно понимать следующее: руководителя замечают и повышают благодаря его качествам, но также и благодаря качествам тех, кто работает вместе с ним. Мои деловые качества всем известны. Их всегда признавали как мои коллеги, так и вышестоящее начальство. Возможно, не в полной мере, как мне кажется, но, безусловно, они их признают.

Пост, который я занимаю, ниже моих возможностей, но я им довольствовался. Со временем мне воздадут за мои труды, говорил я себе. Для этого мне нужно работать над своим имиджем, спланировать команду.

Алиса стала помехой на этом пути. Я принял ее на работу, потому что ее резюме свидетельствовало о должном уровне компетенции. Разумеется, на предварительном собеседовании от моего проницательного взгляда не укрылась ее застенчивость и замкнутость. Но она четко отвечала на поставленные вопросы и показала мне знающей. Я счел, что ее сдержанность – свидетельство скромности, а эту черту характера я одобряю, так как она есть и у меня самого. Но гуманность всегда чревата слабостью, я поддался гуманности и проиграл!

Во-первых, Алиса не проявила тех качеств, которые, как казалось, должна была бы иметь. Я ждал от нее творческой инициативы и более тщательной подготовки материалов. Помощница должна быть вторым «я» своего начальника, понимать его намерения, быть его правой рукой, возможно даже лицом! Что меня больше всего в ней не устраивает, так это ее манера держаться – она всюду чувствует себя не на своем месте. Слишком тихий голос, слишком строгие костюмы, не смотрит собеседнику в глаза и краснеет, когда открывает рот. А я хочу видеть вокруг себя победительниц в полном расцвете сил, готовых к новым завоеваниям! Мы работаем над телепередачами, сосредоточены на образах, в нашей компании нужно уметь одеваться и выделяться. Как другие помощницы в дирекции, даже если я, говоря по чести, нахожу наряды некоторых из них слишком уж вызывающими.

Но чего ждать от девушки, которая, судя по слухам, живет одна, у которой мало друзей, нет любовника и которая проводит время за книгами и посещением выставок?

Все люди делятся на два типа: есть актеры и есть зрители. Алиса – наблюдательница, покорная жертва нашей жестокой эпохи!

Я был непростительно снисходителен и излишне терпелив. В этом была моя ошибка! Если рука поражена гангреной, нужно ее ампутировать, прежде чем загниет весь организм. Вот каков мой настрой на данном этапе моей истории.

Вы поймете впоследствии, что я был... крайне изумлен тем, какой предстала перед нами Алиса.

¹⁴ «В бизнесе – никаких поблажек» (англ.).

И я думаю, что не заслужил, чтобы меня записали в виноватые.

Алиса

Я вернулась домой полностью раздавленная. Мне было стыдно за розу и за все дурацкие мысли, которые внезапно посетили меня по легкомыслию. День, обещавший перемены, привел меня к кошмару. Меня вот-вот сократят, и я стану безработной. У меня в голове уже прокручивался фильм о моем несчастье. Сцены следовали одна за другой, все трагичнее и трагичнее: вот у меня нет денег на квартиру, и я брожу голодная по улицам, потому что мне не на что купить еду. (Я знаю, я преувеличиваю, но признайте: людям свойственно рисовать всякие ужасные ужасы под влиянием страха.)

Я вновь и вновь прокручивала в голове разговор с Фантенем. Собственно, можно ли назвать разговором монолог, на который я смогла ответить только горем и слезами? Я опять показала себя жалким ничтожеством.

Я растянулась на кушетке и включила телевизор, моля провидение, чтобы передача оказалась очень тупой и я превратилась в овощ.

Сандрина постучалась ко мне в дверь и вывела меня из ступора.

– Погляди-ка, погляди! – воскликнула она, раскинув руки.

Грудной голос и улыбка на лице возвестили мне счастливое событие: она нарядилась в ужасный шарф.

– Мои коллегам он жутко понравился! – объявила она, входя.

– Не очень-то они тебя любят, – мрачно отозвалась я.

Сандрина расхохоталась. Я обрадовалась, что она пришла, мне нужна была ее дружба, ее тепло, я не хотела сидеть одна-одинешенька. Я пригласила ее зайти, налила нам по бокальчику martini и достала печенье для аперитива.

– Ну что? Расскажи про историю с розой!

Мне не хотелось ничего рассказывать, история с розой казалась мне теперь глупой, но и о близком увольнении я тоже не хотела говорить, так что для начала я сделала глоточек martini. И все-таки я ответила на ее вопрос, понадеявшись, что, вернувшись в счастливое утро, я немного рассею свой страх и тревогу.

– Этим утром я нашла у себя под дверью розу, – сообщила я, пожав плечами. – Вообще-то я думаю, что она была для тебя. Тебя поздравляли с днем рождения.

– Нет! Я не знаю ни одного человека, кто бы так поступил!

– А Бенуа?

– Нет, он не романтик. Задумай он сделать мне подарок, он подарил бы секс-игрушку.

– В любом случае подарок не предназначался мне. Кто-то ошибся площадкой.

– Но кто в нашем подъезде, кроме тебя, может пробудить романтические чувства? У нас все гораздо старше двадцати четырех, и только мы с тобой одиночки.

– Есть молодой человек на пятом.

– Ты считаешь, что геи дарят друг другу розы?

– Ну-у, почему нет?

– Действительно. Вообще-то ты права.

Мы выпили, не чокаясь.

– В любом случае мне кажется, что это необыкновенно и загадочно! – воскликнула Сандрина. – Может быть, ты, сама того не подозревая, пробудила в молодом человеке чувство влюбленности, он пошел за тобой, а потом положил у тебя перед дверью розу. Могло такое быть?

– Нет.

– После первого бокала настроение у тебя как-то не улучшилось.

– Я просто осталась реалисткой. Но если ты повторишь тот же сценарий после четвертого, то, возможно, я им заинтересуюсь.

– Да что с тобой, Алиса? – встревожилась Сандрина. – Ты прямо грустная-прегрустная! Я пожалала плечами.

– Говори же, – попросила она.

У меня не было другого выбора, и я сказала:

– Мне грозит увольнение в самое ближайшее время.

Новость ее ошеломила, она так и застыла с рюмкой в руках.

– Шутишь?

– Нет. Фантен попросил перевести меня куда-нибудь или уволить. Вакантных мест у нас нет. Так что...

– И по какой причине?

– Считает, что я не справляюсь.

– Вот ненормальный! И что ты ему ответила?

Сандрина наклонилась вперед, заранее смакуя мою отповедь.

– Ты что, забыла? Это же я, Алиса! Как ты думаешь, что я ему ответила? Ничего. Я расплакалась.

На лице моей соседки появилось разочарование, а потом что-то вроде смирения. Наверняка ей хотелось наподдать мне как следует, но она предпочла выразить мне сочувствие.

– Послушай... Но пока еще ничего не произошло. На твоей стороне закон. Я знаю очень хорошего адвоката.

Мысль о том, чтобы начать судиться, меня только напугала.

– Хочешь, я останусь? Проведем вечер вместе?

– Нет, спасибо. Я справлюсь.

– Ладно. Не настаиваю. Ко мне обещал зайти Бенуа. Хочет поздравить с днем рождения. Устроить мне праздничек, – сказала Сандрина, и в глазах у нее зажегся чувственный огонек. – Не волнуйся, все образуется, я уверена. А если даже придется уйти... Ты же знаешь, одна дверь закрывается, другая открывается...

Сандрина поняла, что сказала ерунду, и подошла обнять меня покрепче.

– Знаешь что? Отправлю-ка я своего ходока к жене и приду составить тебе компанию.

– Ни в коем случае. Это твой вечер, поспразднуй. А я устала, мне надо отдохнуть.

Сандрина отстранилась и посмотрела мне в лицо, стараясь понять, насколько искренне я говорю.

– Ладно, хорошо. Но имей в виду, что нельзя уволить человека просто так. Твоему начальнику надо будет доказать эту твою так называемую профессиональную непригодность, доказать, что он предоставлял тебе все возможности хорошо выполнять работу. Закон стоит на стороне работника против таких самодуров начальников.

– Согласна. Но сама ситуация, она такая... унижительная...

– А ты на собаку, которая тебя облаяла, обижаешься? Нет! Можешь растеряться, испугаться, но уж идиоткой точно себя не почувствуешь. Твой начальник – урод, он набрасывается и норовит укусить. Чем же ты тут виновата? Почему принимаешь на свой счет его ненормальность? Ты ни при чем! Он будет так же себя вести с любой другой помощницей!

– Нет, любая другая его отбреет, покажет большие зубы, заставит поджать хвост и убежать. А я сразу пасую.

– Такой уж у тебя характер. Ты робкая и слишком вежливая.

– Я хочу измениться! Мне надоело быть идиоткой, на которую обращают внимание, только чтобы облаять!

– Ты принцесса среди дикарей. Да, меняться надо тебе, потому что мир вокруг не изменится. Но это процесс долгий и непростой.

Сандрина вытерла мне слезы тыльной стороной руки.

– Спасибо, что ты со мной, – пролепетала я.

– Не за что! Ладно, завтра поговорим, хорошо?

Я призналась в своей беде Сандрине, и мне стало легче.

А ведь я с утра уже начала работать над собой, поверила в себя, подняла повыше голову, но судьба сразу же воздвигла передо мной препятствие. Но я не отступлю. Я должна измениться!

* * *

Спала я плохо и перед тем, как совсем проснуться, увидела во сне Фантена, готового накинуться на меня с разносом. Злобный Фантен заставил меня подняться с кровати и начать собираться, а иначе я так бы и лежала, придавленная вчерашним несчастьем. Потом я стала думать, по какой причине могла бы не пойти на работу. Но я не умею врать. Фантен сразу догадается, что я вру, и, когда мне все-таки придется там появиться, будет со мной еще бесцеремоннее. (Он может, я чувствую, ресурсы у него еще не исчерпаны.) А от депрессии сидением в углу не спасешься.

В общем, страдая, как грешная душа в аду, я поплелась на работу.

Вошла, и дежурные на проходной встретили меня милыми улыбками. Я встревожилась. Это что? Симпатия из-за вчерашнего «дела розы»? Или они сочувствуют моему увольнению? Я ни с кем не делилась новостью, но слух наверняка уже обошел все кабинеты. Большого интереса он не вызвал, так как меня почти никто не знал. («А кто эта Алиса?» «А-а, та дикарка в допотопном костюме?») Но редкие мои знакомые, конечно, на него откликнулись... Хотя вообще-то дежурные обязаны всем нам улыбаться, так что трудно понять, что скрывается за этими улыбками.

Но я поняла в чем дело, как только вошла в свой рабочий кабинет.

Чудесный букет роз в изящной целлофановой обертке дожидался меня на столе.

На секунду я замерла в оцепенении, а потом стала лихорадочно соображать, кто бы мог мне его отправить. В голову не пришло ни одного имени. Я старалась дышать как можно глубже, чтобы успокоиться.

1. Букет подтверждал мнение моих коллег: я получила розу не по ошибке.

2. Отправитель был настроен романтически: цветы и неизвестность призваны были пробудить во мне особый интерес.

3. Если он продолжит действовать так же энергично, то, принимая во внимание его щедрость, через неделю он пришлет мне весь розовый павильон Ранжис¹⁵.

4. Однако для меня это ничего не меняет: признаю, нечто позитивное вторглось в мои серые будни, но вторжение кажется мне агрессивным и несовременным.

Одним словом, мне не стало лучше, я только еще больше встревожилась.

На пороге кабинета появилась взволнованная троица.

– Девочки на проходной сказали, что ты получила... Вау! Так оно и есть! Вы только посмотрите на этот букет! – воскликнула Кандис.

Они восторгались, высказывали мнения, засыпали меня вопросами. Я молчала как рыба, стараясь проникнуться их энтузиазмом и обнаружить в окружающем хоть что-то утешительное.

– Ты-то что об этом думаешь? – спросила Ольга, похоже огорченная моим безразличием.

– Ничего. Все, что со мной происходит в последние дни, кажется очень странным.

¹⁵ Ранжис – самый большой в Европе оптовый рынок под Парижем.

– В хорошем смысле?

– Не совсем.

Я прочитала в ее взгляде искреннее огорчение.

– Я хочу сказать... да, это трогательно, но все так резко навалилось. Я не справляюсь.

Это для меня слишком.

– Слишком много цветов? Я принесу тебе вазу, – тут же подключилась Далия.

– Наверное, в другое время я обрадовалась бы гораздо больше. Но сейчас... Вы же сами понимаете, я не в лучшем состоянии...

– Нет, мы ничего не понимаем, – вздохнула Ольга.

– Чтобы мы все поняли, подбери информативные слова, Алиса, и составь из них доходчивое предложение, – пошутила Кандис.

– Я думала, вы все уже знаете.

– Знаем что? Ты болеешь? Что-нибудь серьезное? – встревожились они.

– Имей в виду, многие виды рака сейчас лечатся, – сообщила Далия преисполненным сочувствия голосом. – У меня есть подруга, и у нее...

– Помолчи, пожалуйста, – оборвала ее Кандис.

– Нет, это все Фантен, – поспешила сказать я. – Он недоволен моей работой и вчера высказал мне все это в очень грубой манере.

– Только-то! – воскликнула с облегчением Ольга. – Все знают, что твой шеф – пустое место, и единственное его достоинство – это ты в качестве помощницы!

Меня тронули ее слова. Значит, у нас на работе все же признают мои профессиональные качества.

– Да он это место занимает только благодаря связям в Министерстве финансов, – прибавила Кандис.

Ольга сдвинула брови, давая понять, что та зашла слишком далеко в своих откровениях.

– Да ладно тебе! Все знают, что его шурин – председатель совета министров. Так же как и то, что работу, которую он так гордо представляет на планерках, делаешь ты! Знает даже Бланше!

– Неужели? Правда? – я едва смогла выговорить два слова.

– Да что с тобой, дорогая? – спросила Кандис. – Почему ты плачешь?

– То, что вы сказали о моей работе... Я же не знала... Я считала, что все считают меня полным ничтожеством...

Ольга воздела глаза к небу.

– Не огорчай меня! – сказала она. – Если ты начинаешь плакать, услышав, что хорошо работаешь, тебе пора к психоаналитику, пусть разберется с твоей детской травмой, которая растоптала твое самолюбие.

– Он вчера говорил мне совсем противоположное. Он хочет... меня уволить.

Новость их ошеломила.

– Уволить тебя? Как это может быть? – стали спрашивать они чуть ли не в один голос, обмениваясь недоуменными взглядами.

Я в двух словах изложила ситуацию.

– Ему не позволят это сделать, – заявила Ольга и отбросила со лба золотую прядь, которой я всегда любовалась: она лежала волной, и глаза казались еще ярче.

– Да, не волнуйся, мы все будем за тебя, – подтвердила Кандис.

– Это уж точно! Мы его в порошок сотрем! – пообещала Далия.

Я подумала, что Ольга, а она ведь помощница главного директора, да еще с таким обаянием и умением убеждать, действительно может замолвить за меня словечко. И Кандис, она сумела наладить кое-какие связи у нас в офисе. А вот относительно могущества Далии... Но их поддержка так меня тронула, что на глазах снова закипели слезы.

– Ну-ну, успокойся. Мы с тобой, – утешала меня Кандис, поглаживая по спине.

Они проявили такое участие, и теперь мы с ними заодно, а все началось с моей розы, – подумала я. Доверие, сочувствие, поддержка, когда тебе грозит беда, – вот секрет, превращающий коллег в твоих друзей.

Может быть, я все-таки везучая и удачливая?

Ольга

Фантен в очередной раз продемонстрировал свою несусветную глупость. Решил: если уволит Алису, то все свои неудачи сможет списать на ее счет. Восстановит репутацию, подставив знающую и незащищенную девушку... Его подлость уступает разве что его же амбициям.

Алиса не самая заметная из помощниц в нашем офисе, это понятно. Она застенчивая, замкнутая, старомодно одевается, у нее странная походка, она сторонится коллег и не участвует в общей жизни, так что подружиться с ней особого желания не возникает. Но разве дело во внешности? Если говорить о деле, то она, конечно, самая профессиональная, знающая и добросовестная. А что касается ее самой, то она... Она трогательная. Она, конечно, тушуетесь и на вид страшная зануда, но я уверена, это все из-за ее ранимости. Я несколько раз пыталась ее разговорить, пробить броню. Без толку. Она ничего не рассказывает о своей жизни, говорит только о хобби – о книгах, выставках, телесериалах. Прячется, старается раствориться в толпе, избегает общения, боится, что все узнают о ее недостатках. И ясно одно: она страдает. Страдает от одиночества. Ей плохо, потому что она понимает: у нее не ладятся отношения с людьми.

И конечно, такая несчастная девочка – идеальная жертва для таких бессердечных людей, как Фантен.

Нельзя позволить этому жалкому трусу воспользоваться своей совсем не великой властью и обидеть нашу подругу. Мы не дадим ему восторжествовать!

Я назвала ее подругой, но правильнее будет все-таки коллега. Алиса вообще-то так с нами и не подружилась. Ей было страшно неловко, когда мы все встречались по утрам в кафе на углу, – мы попробовали приглашать ее с нами обедать, но потом перестали. И уж тем более не стали звать, когда шли куда-то вместе потусить. Может, это нехорошо, но хочется же, чтобы было легко и весело. А Алиса всегда грустная, всегда серьезная, она, мне кажется, не умеет веселиться. Мы один-единственный раз пообщались на ее территории, когда она пригласила нас к себе на день рождения. Мы немножко сами этому поспособствовали из-за ее красавчика-кузена, вот уж не парень, а мечта! В первую очередь мечта Кандис и Далии. Но Алису наше веселье так перепугало, что мы больше не проводили экспериментов.

Это недавнее романтическое приключение ее оживило. Стало видно, что ей захотелось открыться, измениться. Мы все это почувствовали и в нее поверили.

И мы решили, что не дадим Фантену все испортить.

Часть вторая. История Антуана

Антуан

Поздний, а может быть, ранний кризис среднего возраста, смотря откуда считать: от сорока лет или от пятидесяти – вот чем друзья и знакомые объясняют те перемены, которые со мной творятся.

Никто не решается произнести вслух слово «депрессия». При его упоминании на ум приходит образ губительного недуга, затаившегося в глубинах души, последствия и проявления которого совершенно непредсказуемы. Возрастной кризис звучит гораздо оптимистичнее, потому что, понятное дело, он временный, не слишком серьезный, почти заурядный. И главное – поскорее найти средство, которое с ним справится: новая любовь, правильное питание, занятия спортом, игра в бильярд, в конце концов, в каком-нибудь любимом кафе. Это характерная черта нашего времени – мы хотим смягчить, затушевать жестокость реальной жизни. У людей больше нет мужества посмотреть в лицо болезням, войнам, тектоническим или психическим сдвигам, семейным трагедиям. Рак называют «затяжной болезнью», кровавую войну – пограничным конфликтом, бурный разрыв – разводом, низкую измену – любовным приключением, убийцу, террориста – неуравновешенной личностью...

Я и сам поначалу замазывал подтачивающую меня беду эвфемизмами, говоря «навалилась фигня какая-то», «я сегодня никакой», не жалуясь напрямую на одолевающую меня тоску, которая мало-помалу отдаляла меня от людей и работы. Я предпочитал оправдывать свое состояние трудностями текущего момента. Разумеется, потому, что надеялся вновь очутиться в потоке жизни, вновь наслаждаться легкостью бытия.

Я пытался отвлечься, но у меня ничего не получилось, и тогда мне пришлось признать, что беда куда серьезнее, чем мне казалось. Я понял, что медленно и, возможно, безвозвратно рушатся те опоры, которые помогали мне строить самого себя. Я повис в колодце, вцепившись немеющими пальцами в шероховатый край. Они вот-вот разожмутся – я это чувствовал, – но и это мне было безразлично. Депрессия стала для меня неизбежным завершением пути, который увел меня от того, каким я был, и сделал меня чужаком для самого себя.

В жизни, как я теперь вижу, есть разные периоды: поначалу нащупываешь свой путь, потом, встав на надежные рельсы, веришь, что помчишься быстрее других и, конечно, дальше всех. Нас притягивает успех. Мы уверены, что он светит нам, и его сияние кажется нам прекрасным. Фейерверк рассыпает огни, манит нас, и мы бежим вслед за вечно убегающим зонтом. Но вот мы задохнулись и начали сомневаться в необходимости такого сумасшедшего бега, засомневались, так ли нам нужен этот успех. В конце концов мы ясно видим, что мечты наши никуда не ведут, а золотое сияние, что манило нас, – это всего лишь золотые наряды тех, кто нами управляет, что нам никогда не оказаться с ними рядом, а если вдруг мы и окажемся, то совсем не обязательно будем счастливы.

Те, кто с умом управляют собственной жизнью и не жертвуют всем ради иллюзии успеха, сосредотачиваются на том, что у них есть: на главном. Вновь открывают для себя ценность семейного очага и тепло дружеских улыбок.

А у меня не осталось ни того ни другого. Леа, моя жена, ушла от меня несколько лет тому назад. Ей надоели мои штурмы все новых маячивших впереди должностных высот, она устала сидеть по вечерам одна, устала слушать, что нам нужно повременить с ребенком и дожидаться времен получше. Через год после того, как она от меня ушла, она встретила новую любовь и родила ребенка. Страдал ли я, когда узнал об этом? Если честно, не слишком. На страдания

у меня не было ни времени, ни желания. Сантименты несовместимы с гордыней. И с самозабвением тоже. Самозабвенная гордыня требует от тебя включить второе дыхание и вступить в борьбу с очередными, молодыми и сильными, претендентами на славу, они появляются как волны, один за другим, и хотят разрушить твои воздушные замки. Неуверенность знакома только смиренным, робким и настоящим идеалистам. Я же был агрессивным прохвостом, самолюбленным и бесчувственным. У меня не было времени на слабости.

Но однажды меня выкинуло на повороте, и весь мой мир рухнул. Патрон поделился со мной тревогой по поводу возрастающей конкуренции, глобализации, падения цен, необходимости сокращения персонала, пусть даже весьма эффективного. Он делал ставку на новые таланты. И я – что это было: окончательная зашоренность или уже ненормальность? – ответил ему, что хорошо его понимаю, пожал протянутую руку и ушел.

Меня нокаутировали. А я, подняв голову, покинул все, что на протяжении долгих лет было моей вселенной. И все вокруг остановилось. Мне стало нечего делать, у меня больше не было цели, мне некуда было бежать. Я бежал марафон, добежал до финиша последним и упал. Никто не помог мне встать. Плакаты свернули, публика разошлась.

Несколько недель меня мотало между чувством раздавленности и ощущением, что такого со мной просто не могло быть. Постепенно ко мне вернулись кое-какие ощущения, и я стал понемногу приходить в себя. Мне все же хотелось верить в свои силы, хотелось верить, что у меня есть будущее, которое я заслуживаю как своими амбициями, так и своей энергией. Я организовал собственное предприятие. Собрался двигаться дальше, но медленнее и в своих собственных интересах. В каком направлении двигаться? Я еще не знал. Двигаться вперед – вот что было самым главным. Гармонично сочетать личную жизнь с профессиональной, достичь равновесия между легковесными удовольствиями и глубинным смыслом.

Результат? Пять последующих лет я кое-как перебивался. Весь мой заработок уходил на зарплату моей пожилой помощнице и взносы страховому агентству, с которым я подписал контракт. Мой собственный доход был так скромнен, что все мои удовольствия сократились до предела, если считать, что мне что-то еще казалось удовольствием. Похвастаться нечем, но я все же был на ногах, я двигался, пусть качаясь из стороны в сторону, пусть без яркой цели, пусть боясь на каждом шагу упасть.

Мои дни были похожи на дорогу в пустыне, я шагал по ней, не чувствуя интереса ни к кому и ни к чему. Играл роль, которую выбрал себе сам, и играл бездарно. Жесты, улыбки, слова – все по минимуму, только чтобы среди людей держаться на плаву. Их хватало для работы, но было явно недостаточно для личных отношений – дружеских или любовных.

Мало-помалу все мое окружение стало меня избегать.

По вечерам, сидя в тишине и полутьме своей комнаты, я в какой-то миг вдруг отчетливо увидел свое будущее: день за днем меня будет все больше изнурять моя бесцельная жизнь. Без надежд, без желаний я буду становиться все более жалким, отдаляясь от нормальных людей, которым позволено забываться.

Я стал понимать, что мне не удастся выдумать себя сизнова.

Что я медленно погружаюсь в депрессию.

Что я ненавижу свою работу.

Ненавижу свою жизнь.

Ненавижу самого себя.

Вот что со мной было, когда судьба решила преподнести мне сюрприз.

Леа

Человек, от которого я ушла, не имел ничего общего с тем, кого я полюбила пятнадцать лет тому назад. В двадцать пять Антуан был идеалом любой девушки. Изысканный красавец заражал всех своим энтузиазмом, блистал умом, и каждый, кто к нему приближался, попадал под его обаяние. Он был из той молодежи, которая не связывала свой молодой задор с политическими доктринами, считая, что только конкретная реальная деятельность способна изменить мир. Он сам и его идеалы излучали сияющий оптимизм. Антуан обладал даром рисовать яркими красками наше общее прекрасное будущее и увлеченно рассказывал, как будет день за днем работать ради него. Его рассказ звучал так убедительно, что хотелось немедленно взяться с ним вместе за дело, слушаться его, следовать за ним. Ухаживал он с такой же увлеченностью, его внимание сразу меня покорило, я почувствовала гордость, что именно во мне он увидел достойную спутницу. Хотя, возможно, в моей любви было что-то схожее с любовью жен политиков: они влюблены не просто в самого мужчину, но еще и в его будущее, им дорог еще и министр или президент, которым талантливый юноша станет в один прекрасный день, а пока они готовы отойти в тень и ждать, когда это случится.

Но общественный и политический идеализм, который воодушевлял Антуана, постепенно уступил место меркантилизму, составляющему суть нашей эпохи. Подчинившись ему, он стал прагматиком, из идеалиста превратился в бизнесмена, для которого профессия – это боевое оружие, необходимое для завоевания власти и богатства. Всю свою энергию он направил на налаживание связей. Сделав из благих пожеланий прикрытие, он заявлял, что дружеские отношения послужат серьезному делу, что сплоченность и общие интересы будут для этого дела фундаментом. Он растрачивал свое время, ум и способности, решая задачи, которые перед ним ставили, надеясь, что в один прекрасный день он тоже будет одним из тех, кто стоит у руля. Шло время, прекрасные идеалы блекли и таяли, зато все важнее становился карьерный рост и банковский счет.

Антуан не пропускал ни одного обеда, ни одного коктейля, не сомневаясь, что плетет сеть, которой ловится удача. Поначалу меня пьянила наша лихорадочная жизнь. Но в конце концов я отчетливо увидела бесполезность всех этих эфемерных встреч, этого стремления к богатству, этой псевдоальтруистической деятельности, лишенной малейшего признака милосердия, как обычно и бывает, когда сытые снисходят до бед нашего грешного мира.

Женщины более целенаправленны в вопросах судьбы, – в этом я уверена, – в житейском море они – фрегаты, готовые принять на борт пассажиров, которые через девять месяцев пути придут туда, где заживут полной жизнью. Но дети не входили в жизненный план Антуана. Он воспринимал их как тормоз, мешающий восхождению. И я ждала, смиренно и даже покорно, надеясь, что вскоре он причалит к берегу и предложит мне иметь детей, которых мне так хотелось. А потом мне надоело смотреть, как он становится все хуже, а я все бесполезней. И тогда я ушла. А он, занятый лишь своими битвами и победами, счел мой уход изменой и не пытался удержать. Я ни в чем его не виню. Моя вина ничуть не меньше. Не стоит перекладывать вину на одного, когда решать проблемы должны были двое.

Теперь я настоящая жена и мама. И когда я оглядываюсь назад, то я понимаю, что Антуан искал не столько успеха, сколько любви и признания. Несовершенство мира мало его затрагивало. Дело стало для него единственным средством, благодаря которому окружающие могли бы им заинтересоваться. Очаровать подчиненных, завоевать уважение коллег, удостоиться благодарности начальства – вот чего он добивался. И от меня ему нужно было то же самое. Я существовала для него до тех пор, пока оставалась в образе влюбленной до потери памяти жены, восхищенной и способной на любые жертвы. Он меня не любил. Он не мог любить кого-то, не обожая самого себя.

Вот причина, почему увольнение стало для него катастрофой. И по этой же причине он кинулся в эту сумасшедшую любовную авантюру.

Алиса стала его последним шансом достучаться до любви. И до жизни.

Антуан

Дело кончилось тем, что я стал посещать психолога. Не по своей инициативе. Я всегда считал, что сидеть и ворошить собственную жизнь перед человеком, чья единственная заслуга в том, что он несколько лет провел на университетской скамье и теперь по учебнику разыгрывает из себя ученика чародея, просто глупо, что это модное современное мошенничество. Но Эдди настоял. Он все это придумал и настоял. А Эдди – мой единственный настоящий друг.

Мы дружили в лицее, потом на несколько лет потеряли друг друга из виду, потом случайно встретились снова. Тогда я еще был женат. Он был рядом со мной, когда ступенька за ступенькой я спускался в ад. Он старался помочь мне, давал полезные советы, но я к ним, конечно, не прислушивался. Потом он стал обо мне заботиться с каким-то тревожным пристальным вниманием. И я решил, что схожу к психологу, которого он мне посоветовал. Его основной довод было трудно опровергнуть: принципы и идеалы, которые я всегда считал самыми главными в жизни и защищал при любых обстоятельствах, не уберегли меня от провала. Скорее напротив.

– Пойми, что это в чистом виде механика. Сейчас определенный набор мотиваций перестал работать, и ты не можешь двигаться вперед. Тебе их заменят – сначала одну, потом другую, пока не наступит новое равновесие.

– А если оно не наступит?

– Значит, ты не будешь упрекать себя за то, что сидел сложа руки. И у тебя появится новый опыт.

– Рассуждение не лишено здравого смысла.

– Ты и сам всегда так считал. Когда ты был на коне и верил в свою блестящую будущность, ты всегда посмеивался над неудачниками, которые винили в своем неуспехе коллег, время или судьбу, довольствовались тем, что признавали себя жертвой и махали на себя рукой.

– Хорошо, значит, ты считаешь, что мое мнение о психологах способствует депрессии, и вопреки ему я должен прибегнуть к их помощи? Так, что ли?

– Да, примерно так. Хорошо бы тебе пересмотреть твои жизненные принципы и найти новые, которые позволят тебе избавиться от угнетенности.

Перспектива показалась мне интересной.

– И ты всерьез веришь, что, если я расскажу о своих проблемах психологу, он поможет мне привести себя в порядок? Сможет найти травмы, которые испортили мне жизнь? Устранит ошибки в программе, и она заработает без сбоев?

– Именно так. И я тебе рекомендую не просто психолога, а врача, который вооружен знаниями о человеческой душе, почерпнутыми в доктринах буддизма, индуизма, в Торе. Он занимается вопросами пробуждения сердца, примирения человека с его окружением.

– Мне кажется, я все понял... – отозвался я не без иронии.

– Нет, не все. Не сопротивляйся. Ты все поймешь, когда с ним пообщаешься. Сходи, хотя бы из любопытства.

– О'кей, схожу, но только на один сеанс, чтобы составить собственное мнение.

– Нет. На пять сеансов. Одного сеанса недостаточно, чтобы узнать человека и войти с ним в контакт. А потом, если тебе не понравится, – бросишь.

* * *

И вот я сижу перед этим самым терапевтом, и должен сказать, что он мне скорее нравится. Он не похож на человека нашей эпохи: одет кое-как, причесан тоже, не старается вызвать симпатию. Он встретил меня с полным безразличием, и я решил: либо я ему несколько не

интересен, либо он как настоящий профессионал обозначает поле общения, в котором мы будем взаимодействовать без всякой приязни. Но когда я начал рассказывать о своих проблемах, я увидел, насколько он сконцентрирован, ощутил его стремление вникнуть в мои слова, понять как можно яснее то, что я пытаюсь высказать. Я ощутил его энергию, он направлял ее на меня. Но не на меня, каким я хотел ему казаться, а на того, кто изнутри подбирал вот эти слова, складывал фразы. Короче, мне показалось, что ему можно доверять.

– Вы в ярости, – сказал он мне на третьем сеансе. – И ваша ярость настолько сильна, что вы больше не в силах ее сдерживать.

– Вообще-то я не чувствую никакой ярости. Когда злишься, то орешь, дерешься, возмущаешься. А я хочу одного – чтобы все обо мне забыли. И вообще мне на все наплевать.

– Вы безразличны или устали?

– Безразличен, потому что устал.

– Устали от чего?

– Устал от всех.

– От всех?

– От людей! От человеческой толпы, которая выбирает на главные посты ничтожных политиков, в ранг звезд возводит бездарностей, бездумно подчиняется требованиям моды... Тупое угнетающее единодушие. Нас принуждают обожать именно этого певца, этого режиссера, этого политика, а всех остальных гнать вон.

– Никто не принуждает вас следовать за толпой.

– Конечно, но она рядом, она судит, она осуждает. Она душит мои надежды, топчет мечты, не принимает мои особенности и постепенно заставляет цепенеть.

– Она вызывает в вас ярость.

– Нет. Я пришел к тому, что мне на все наплевать.

– Вы контролируете ваши эмоциональные центры, потому что вас пугает ваша ярость.

– Возможно, – признал я. – И что же мне делать?

– Для начала признать вашу ярость, а потом найти способ ее обезвредить.

– Признать мою ярость?

– Да. Вы сказали, что стали равнодушны к людям, что не чувствуете к ним никакой враждебности. Но я думаю, ваша ярость находит себе выход каждый день, и в разных случаях она выражается по-разному. Вы испытываете огорчение, нетерпение, досаду, и все это вызывает в вас гнев.

Он был прав, я часто испытывал раздражение или недовольство и невольно чертыхался про себя, растрачивая попусту жалкие остатки энергии.

– Да, это правда. Я часто нервничаю, – признался я. – По страшным пустякам. Но в любом случае я никогда не взрываюсь.

– Расскажите о пустяках.

– Да глупости! О них и говорить не стоит.

– А вы все-таки скажите.

Мне и вспоминать долго не пришлось.

– Например, по дороге к вам, в метро, какой-то тип встал посреди эскалатора – ни пройти, ни проехать... А на улице целое семейство перегородило весь тротуар, идут себе под ручки, еле ноги переставляют... Я знаю, ерунда страшная, но меня она раздражает.

– Почему?

– Потому что люди ведут себя так, словно кроме них никого больше не существует.

– Понятно... А что еще?

Я задумался, вспоминая, кто меня еще раздражает.

– Женщины с детьми в автобусе, которые рады видеть в окружающих публику и разыгрывают идеальных мамаш, наставляя громким голосом своих отпрысков или восхищаясь каждым

их словом. Всякие малограмотные на Фейсбуке, которые верят, что постят настоящие мысли, да еще глубокие... Да мало ли кто еще. Грязнули, которые отвратительно воняют, а вы стоите рядом и ничего не можете поделать. Говорящие в полный голос в ресторанах. Хохочущие над собственными шутками. Любящие близкие, которые норовят потрепать вас по щеке или по затылку в знак приязни, а руки у них далеко не образец чистоты. Надоеды, которые лезут к вам с откровенностями, дышат в лицо, а изо рта у них... В общем, хватает...

– И какова ваша реакция? Что вы чувствуете? Что вам хочется сделать?

– Чертыхаюсь про себя. Хочу оттолкнуть или прочитать нотацию.

– Но вы этого не делаете.

– Нет, не делаю.

– Почему?

– Потому что никто меня не поймет. Сочтут ненормальным. И вообще все это без толку.

Люди не меняются.

Он помолчал немного, а потом снова спросил:

– А войны, расизм, гомофобия?

– Простите, что?

– Серьезные несправедливости вас не сердят?

Вопрос меня озадачил. Мне понадобилось несколько минут, чтобы вникнуть в него и найти разумный ответ.

– Если честно, не очень. В общем-то... нет. Раньше меня волновали любые несправедливости. Я готов был действовать, искать решения. А теперь... нет, Меня это не интересует.

– А почему, как вам кажется?

– Не знаю. Может, планка для меня слишком высокая. Или я чувствую свое бессилие...

Но, пожалуй, это не то... Скорее всего, потому, что я к ним привык.

– Я предлагаю вам подумать над этим вопросом. И мы к нему вернемся на следующем сеансе.

* * *

Я вышел на улицу и почувствовал себя очень скверно. Мои робкие попытки самоанализа принесли плачевный результат. В молодости я мечтал изменить мир, меня задевала любая несправедливость. Когда я стал работать, я научился ограничивать свое возмущение, действовать на коротких дистанциях, видеть только то, что связано с моими профессиональными возможностями, моими амбициями, задачами, поставленными передо мной руководством. Сфера моих забот сузилась до моей личной географии и моих интересов. Одним словом, я стал эгоистом, эгоцентриком. Я стал судить людей по тем критериям, которые были значимы для меня: профессиональная компетентность, целеустремленность, успешность, возможность продвигаться вперед в том же направлении, что и я. Они должны были думать и действовать, как я, способствовать моему росту. В противном случае они меня не интересовали, а если точнее – раздражали.

С тех пор я уже не в своем рабочем поле, но думаю и воспринимаю все с той же узостью. И даже хуже, из-за депрессии я замкнулся еще больше и для соплеменников не оставил ничего, кроме критики. В моем поле зрения остались лишь неведомые мне люди с неприятными особенностями. Я злюсь по-детски, бессмысленно и глупо.

Я стал злобным, закомплексованным циником.

Терапевт

Профессиональная этика не позволяет мне говорить непосредственно об Антуане. Так что я ограничусь общими рассуждениями, которые прояснят вам, какую работу я провожу с пациентами.

Гнев рождается и развивается чаще всего у тех, кто чувствует себя лишенным возможности двигаться вперед по жизненному пути. Они не поняли, кто они такие, а значит, не знают, чего хотят и куда им идти. Большинство справляется с задачей продвижения вперед, ставя себе краткосрочные и долгосрочные цели: купить машину, дом, отправиться в путешествие... Они концентрируют всю свою энергию на материальном и ждут удовлетворения, получая его в свое распоряжение. Но обеспечить свои нужды не значит обрести счастье. Никакие материальные блага не принесут ощущения внутренней полноты. И когда эти люди осознают, что получаемые ими удовольствия лишь ненадолго скрашивают их безрадостное существование, когда они начинают понимать, что решение можно найти, но для этого придется пересмотреть фундамент, на котором они построили свою жизнь, им изменяет мужество, они топчутся на месте, горюют, впадают в депрессию. Вместо того чтобы заняться настоящей проблемой, люди совершают решительные поступки: например, расстаются со своим спутником жизни, который слишком хорошо их знает, и уходят к другому, надеясь предстать перед ним совершенно иной личностью. Или собирают чемодан и уезжают в другую страну, надеясь обрести нового себя (или от себя избавиться) под новыми небесами. Бегство обычно не приносит успеха, ведь они берут с собой болезнь, от которой страдают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.